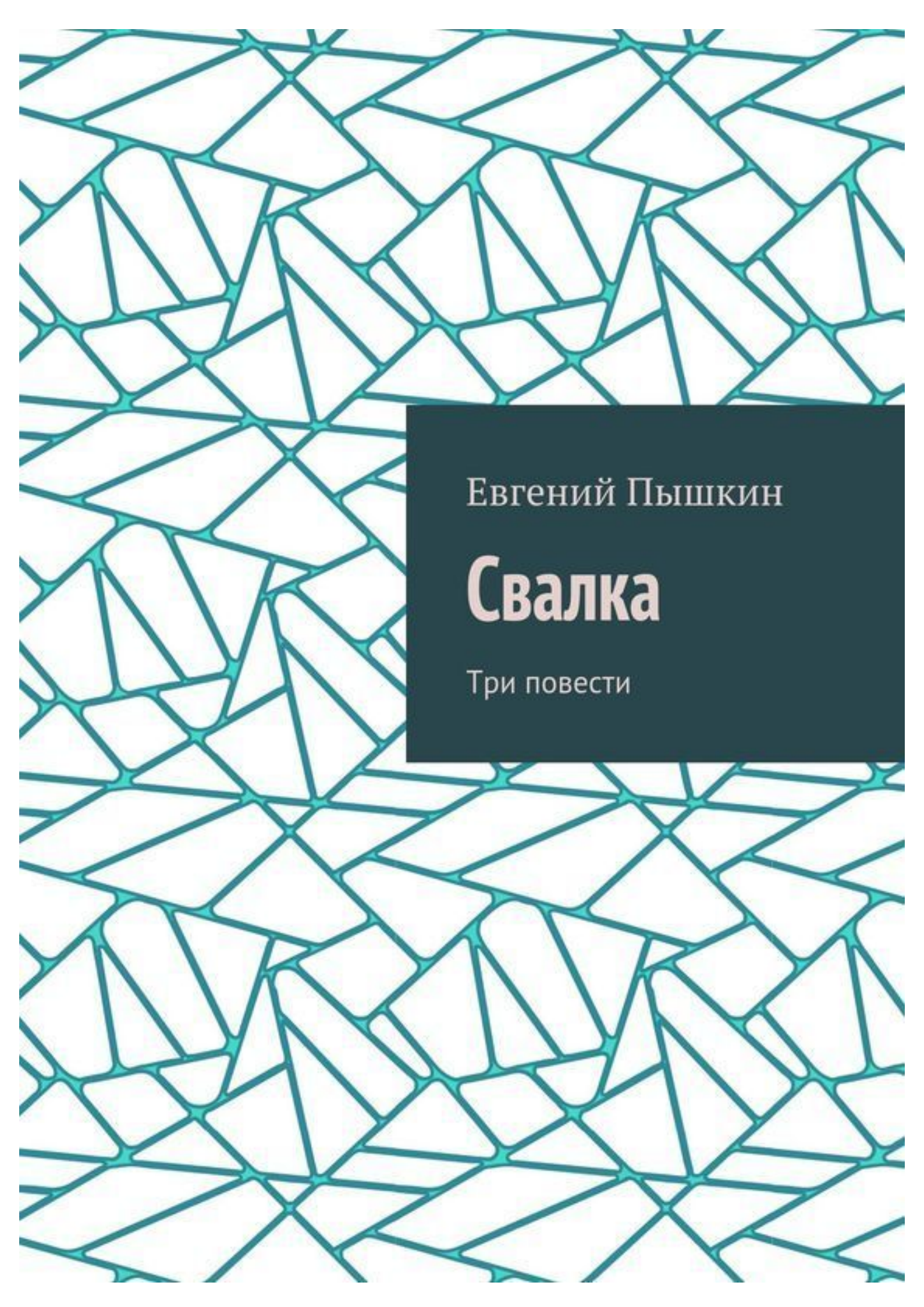

Евгений Пышкин

Свалка

Три повести

Евгений Пышкин

Свалка. Три повести

«Издательские решения»

Пышкин Е.

Свалка. Три повести / Е. Пышкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745650-4

Сборник состоит из трех повестей. «Индиго» — Он думал, что жизнь его пройдет спокойно, но новый знакомый по имени Лац и странные события последней экспедиции выбивают его из привычного ритма. «Свалка» — Наставники вершат судьбы горожан, и последний из Наставников подключает людей к виртуальной реальности. «Гиперссылка» — Ригов — киллер, и ему приходит странный заказ, в котором заказчик и жертва одно и тоже лицо.

ISBN 978-5-44-745650-4

© Пышкин Е.
© Издательские решения

Содержание

Индиго	6
Глава 1. Лац	6
Глава 2. Экспедиция	7
Глава 3. Смена работы	16
Глава 4. Иона	21
Глава 5. Второе космическое приключение	30
Глава 6. Чужой мир	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Свалка Три повести Евгений Пышкин

© Евгений Пышкин, 2016

ISBN 978-5-4474-5650-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Индиго

Глава 1. Лац

...Предполагать следовало что угодно, и рассчитывать стоило и на подобный исход. Слежка за существом из параллельного мира кончилась ничем. Хотя угроза ушла, но предчувствие, что дело не завершено, не отпустило. Какое решение примет команда, посмотрим. Экипаж личные вещи Индиго передал мне. Надо, так надо. Я не стал оспаривать. Да и не в настроении я был возражать. Беспокойное чувство продолжало тревожить душу. Оно, будто въелось в кожу, в каждую клеточку организма. И да, я не верю в смерть Индиго. Он жив. По крайней мере, не удалось выстроить прочный фундамент для пессимистического умозаключения.

Итак, сейчас на столе лежит чемодан друга. Хотя стоп, почему друга? Просто хорошего знакомого. У меня не поворачивается язык назвать его так. Странно говорить мне о нем в прошедшем времени. Индиго был замкнутым человеком. Не скажу, что он угрюм, но его странная личность производила впечатление нелюдима. Кто он? Человек невысокого роста, худощавый, с правильными чертами лица. Оно красиво, но в меру. Без этого приторно-конфетного взгляда и чересчур женственных линий, встречающихся среди представителей нашей цивилизации. Я не поручусь описывать внешность. Как не получился из меня художник, так и писатель умер во мне. Выходит трафаретно и банально. А если говорить в целом, его внешность неуловима. Да, точно. Единственное определение, что подходит ему. Он будто специально прятался от прямых взглядов и долгих разговоров.

Я открыл чемодан и обнаружил несколько рубашек и еще что из нижнего белья. Все сложено в правильные квадраты стопками. Чуть уловимый запах свежести почувствовался в воздухе. В чемодане имеется свободное место. Его занимает пластиковая коробка. В ней предметы личной гигиены. Сверху лежала знакомая часть туалета – темно-синяя рубаха. Индиго часто надевал. Я вынул ее и разложил на столе. Индиго, кто же ты был на самом деле? Взгляд впился в темно-синий цвет. Я заметил, что все пуговицы застегнуты. Вот так и Индиго. Скользя по жизни, слегка касаясь реальности, он жил с душой, застегнутой на все пуговицы.

На внутренней стороне крышки чемодана есть отделение – большой карман. В нем лежало что-то твердое. Я извлек предмет. Это планшет старой модификации. В запоминающем устройстве сиротливо ютился текстовый файл. Он содержал описание событий, начиная от нашего знакомства и до конца истории. Язык Индиго скуп на эмоции, косноязычен, мало добротных описаний, это больше похоже на отчет, но меня это не удивило, это в его духе. Считаю, о записках должен знать экипаж.

Глава 2. Экспедиция

Я верю в определенный круг жизненных обстоятельств, в события, которые не случатся ни при каких условиях. Так мелко судить об окружающем мире я мог совсем недавно, доверять философии и жить с ней: все течет определенным руслом.

Есть основное направление, в толще которого живет мыслящее существо. Ты двигаешься, как хочешь, но оставить русло не в силах. Однако имеется спорный вопрос о роли личности в истории и о том, можно ли выйти из потока. Теперь я не задумываюсь над этим. Если индивид меняется, то уже и другая картина мира. Это сродни мозаики. Выбей, поменяй один кусочек – и общая картина будет прежней. Но вот тут и кроется заблуждение. Фрагмент мозаики другой, но полотно, называемое историей, преобразилось, хоть мы не видим изменений.

В реальности все сложнее и динамичнее. Любой индивид влияет на ход событий. Разница лишь в силе и в форме воздействия. Воздействие это – поступок, фраза, взгляд. Дневник что-то в этом роде. Он меняет историю. Пускай малую часть, но все ж...

Дневник является попыткой влияния на историю? Да, пусть так, но причины к написанию его у каждого свои. Зачем тратить драгоценные часы? Передать опыт? Или мечта о личном бессмертии толкает людей однажды настучать n-ое количество килобайт? Хобби?

Сейчас передо мной планшет. Старенькая модель, но ее хватает для текстовых редакторов. Люминесцентная лампа льет холодный свет. Тихо в комнате отдыха, есть возможность погрузиться в недавние события.

Все началось с экспедиции в Северный Город. Весь это кавардак вокруг чрезвычайного происшествия затянул нас в вихрь событий. Но я забегаю вперед.

Итак...

Пока учился, подрабатывал. Закончив, устроился на экспедиционное предприятие, где и осел, как думал, надолго. Ну да, человеку свойственно обманываться. Я собирался уходить в другое место, но куда? А пока оправдывал лень, строя воздушные замки, говоря, что работа интересная и платят прилично. Последнее верно, но, если уж начистоту, это не такой весомый стимул в моей ситуации. Каждый день пешком на предприятие и обратно. Полчаса в одну сторону, столько же в другую. Это неплохо для физического здоровья, но никак не для душевного. Монотонность затянула. Мысль о смене работы гнездилась глубоко и дремала, ожидая своего часа. Нужен был лишь толчок. И он случился. Хрупкое равновесие нарушилось не без участия со стороны. Имя человека, подтолкнувшего к переменам – Лац.

В обеденный перерыв нас осталось двое: я и он.

– Пора валить с этой работы, – блекло, будто фиксируя случившееся событие, сказал Лац.

– И куда вы?

– Давай на «ты».

– Давай.

– Думаю, в звездный городок.

Честно сказать, я не зондировал такой вариант. То, что происходило на моей планете последние десять лет, было до лампочки. Я не заражен техническим экстазом. Да, «новые виды энергий открывали большие перспективы развития космической отрасли», но как данная фраза для меня холодна и утилитарна, так и появление звездных городков прошло мимо. Они, как грибы после дождя, вылезали то тут, то там. Недавно была пустыня, и вдруг выросло поселение. А я только наблюдал, не разделяя энтузиазма адептов сего направления. Не видя нравственного нерва в происходящем, а только голую эйфорию, я с равнодушием отмел этот вариант, но почему-то после слов Лаца задумался. Что ж, здравая идея. На общей

волне радости, подкрепленной государственным вниманием, это было б перспективно. Возможно, светил карьерный рост, если подсуеетиться.

Уже два года работаю в экспедиционной конторе. Здесь я не особо лезу в гору, не рву жилы. Выслуживаться? Нет, увольте. Занял свою нишу, и на том скажите спасибо. Я пригрелся и прижился, посматриваю на остальных. Поглядываю, как они работают, что нового происходит в их жизни, но без зависти и эмоций. Я – наблюдатель, что отгородился стеклянной перегородкой. Создал аквариумные условия для себя и не думаю об отношениях внутри коллектива, ибо они нейтральные, не выходят за рамки профессионального. Это дает преимущества: никто не лезет в твою личную жизнь. Тоже и с начальством.

Но Лац предложил сменить образ жизни. Привыкнув гонять балбеса, я еще раздумывал: согласиться, или ответить, что нам не по пути. Осознавая, что работа в звездном городке будет беспокойной в сравнении с конторской рутинной, я все ж рискнул. Я согласился.

Лац тогда показался более коммуникабельным человеком. Может, ошибаюсь, потому как сужу с высоты своей башни. Иногда я замечал у него холодность в отношении с коллегами. Она была видна в его взгляде, слышна в голосе, но, думаю, это маска, или... Бог знает, с чем все это связано. К решению проблем он подходил осторожно, нащупывая каждый вариант. Ему важны доводы и четкие причины. Так и в дружбе соблюдался этот принцип, но я не знаю, каковы мотивы выбора Лаца? Почему он предложил впоследствии знакомство мне, а не другому? Вариантом имелось масса. Он никого не отмечал вниманием, и вдруг в поле зрения оказался: «новый интересный объект». Кстати, да, его слова. Позже он признался в этом, а я ничуть не обиделся. Странно, конечно, но я не ощущал себя подопытным материалом, или жертвой на охоте под его внимательным взглядом. Трудно и сейчас объяснить те чувства. Его холодность и сдержанность не оттолкнули вначале. За маской напускного равнодушия не пряталось клыков хищника.

Но больше мы не обсуждали тему новой работы. Молчаливое согласие возникло между нами. Забегая вперед, скажу, никто не признался, что подал документы на рассмотрение в администрацию, заведующую распределением людей по звездным городкам.

Молчливо пустив дело по кругу (я отправил на подпись заявление об увольнении), ожидал, вызова от начальника. Ходить без нужды и проявлять инициативу не собирался. В экспедиционной конторе, как и на остальных предприятиях, все подчинено субординации. Не скачи через голову, не ищи обходных путей и будет тебе счастье. Сотрудники согласны: да, волокита, медленно, но так заведено. Традиция. Она, ввевшаяся в умы некоторых подчиненных, срабатывала инстинктивно. Были и другие, кто пытался играть иначе, но их воспринимали, как безобидных чудаков, идущих против системы. Так что ходить по кабинетам бессмысленно. Есть нити распоряжений, приказов, бери и умело пользуйся этим. Дерни вовремя за нужную нить и все.

Так и я не собирался появляться в кабинете начальника. Пускай сам решает: молчаливая резолюция или беседа. Он выбрал последнее.

– Заявление об увольнении по собственному желанию удовлетворено, но с отсрочкой на неделю. Знаешь зачем? – спросил он.

– Да. Еще не нашли человека на мое место.

– Все верно, но... – Он отодвинул в сторону мою бумагу. – Индиго, прежде ты освобождаешься от всех обязанностей, кроме одной – участие в экспедиции. Я предлагаю должность руководителя. На время кампании, конечно. Эта отработка будет твоим последним заданием в конторе. Опыт ты имеешь огромный, да и ничего сложного тебя не ждет. Приедешь в Северный Город с караваном машин, заправишь цистерны топливом и вернешься домой. Теперь же ознакомься вот с этими бумагами. – Из ящика стола начальник вынул папку и передал мне. – Здесь необходимые документы для экспедиции, а также дополнительный

договор. Оплата указана. В общем, возьми папку и прочти. Распишешься и вечером занесешь.

Я молча согласился. Семидневная задержка не обременит.

Я вернулся на рабочее место и ближе к концу дня пролистал документы, затем внимательно прочитал договор.

Обратил внимание на состав экспедиции. К сожалению, никого я не знал, кроме Лаца. Даже удивился на мгновение. Только что беседовали и снова вместе. Случайность.

Особо не хотелось ехать, не конкретно в Северный Город, а так... Думал проболтаюсь эти дни в конторе, рассчитаюсь и до свидания. Однако ни слова поперек начальству. Лучше не нарываться.

Мое участие в экспедиции как тот фрагмент мозаики, меняющий судьбу. Но в тот момент я сказал бы о предчувствии, о знаке свыше, нет. И предначертанности не было. Сейчас сомневаюсь. Рок всегда рядом, иногда он заявляет о себе, ставя нас на место. Мы вправе игнорировать его, но это ничего не меняет. Мы просто упускаем рок из вида, не считаем судьбу частью своей натуры, и из-за этого мы имеем кривую оптику восприятия.

Я показал Лацу список участников экспедиции.

– И я там, – произнес он, вернув бумагу. – Что ж, вызовут к начальнику... Кстати, Северный Город – знаменитое место.

– Чем оно знаменито?

– Не слышал? Вопросы пространства и времени? Теория квантового луча? Телепортация биологических объектов и не только? М?

Раз звездные городки существовали на периферии моего внимания, так и Северный Город обитал в тех краях. Слышал, конечно, об изысканиях ученых, как об альтернативном пути: вместо поиска универсальной формы энергии «сверлить» дыры в пространстве и времени. Особые модулирующие генераторы, космические «струны», вариативные поля и прочие термины закружились в мозгу, но были пустым звуком.

Весь мой интерес пока ограничивался экспедицией.

Лац удивился моей инфантильности и безразличию, сказав: «И тебя начальником экспедиции назначили?» Но я был холоден, словно камень, и воспринял распоряжение шефа, как нечто обыденное, характеризующиеся одной фразой: надо, значит, надо.

Еще в пути, когда караван пробирался сквозь ночной мрак, он заговорил со мной осторожно:

– И все же не понял я шефа? Почему он назначил тебя?

– Я исполнитель. Вот и весь секрет. Не дергайся, экспедиция пройдет скучно, как по написанному сценарию. Предчувствий у меня никаких. Да и не верю в это, – ответил я Лацу.

Он посмотрел на меня угрюмо и что-то заговорил о судьбе, о тайных тропах, о подводных течениях, конечно, в аллегорическом значении. Я лишь скептически улыбнулся, напояв его, о рациональной составляющей его сознания. Я только закинул сеть наугад, проверяя, что скажет. Он согласился, добавив: «И все ж, и все ж». Что скрывалось за этими повторами, не знаю. Возможно, сомнения. Но некогда было колебаться. Я собирался выполнить свою работу и вернуться назад – таков горизонт моих действий на ближайшую пару дней.

Я сказал ему: «Давай спать». Мы, разложив постели, улеглись и выключили свет.

Проснулся я только однажды. Машину слегка потряхивало. Сквозь тихий гул двигателей расслышал беспомощное завывание пустынных волков. Опасаться было нечего,

но беседа с Лаем о судьбе, всплыв в сонном мозгу, мигом погрязла в скептическом настроении. Недовольно выдохнув, я перевернулся на другой бок и заснул.

Вернувшись из мира сна, я заметил, что солнце косым снопом проникло сквозь оконце. Машина еще ехала, но я знал, взглянув на часы, скоро прибудем. Минут через пятнадцать-двадцать фургон замер. Я вышел наружу и, встав в недоумении, уперся взглядом в закрытые ворота. Страх и беспокойства не было. Лишь оцепеневший мозг и не единой мысли не вылезло на свет божий. Радист сказал, что Северный Город не выходит на связь. Тишина в эфире убила осознание происходящего. Я остался спокойным, но глаза, черт побери, глаза. Кажется, выдали меня. Так не пойдет. Я проклял мысленно тот день, когда решился участвовать в экспедиции.

«Не люблю, – с чего-то вдруг взъелась мысль, – закрытые двери кабинетов, предприятий, общественных организаций, словно кто-то в насмешку говорит: простите, но вас не ждем». Подумав, я отдал приказ трем человекам грузиться в легкий автомобиль и осмотреть ближайшие ворота. Тратить время на все семь не имело смысла.

Северный Город с наступлением ночи закрывался. Администрация считала, что дикие животные могут забрести случайно ночью, но теперь мне виделся в этом решении чиновничий перегиб. Поселение не представлялось лакомым куском для фауны. Да и звери всегда избегали шумных мест.

Люди вернулись и доложили: «Ближайшие ворота тоже закрыты, на связь никто не выходил».

Город вымер, будто эпидемия убила жизнь, осенив мегаполис черным крылом ужаса. Фантазировать можно бесконечно. Ясно одно: вчера вечером город закрыли, все как обычно и вдруг... В растерянности рассматривая сомкнутые створы, я произнес: «Придется перелезть через них. Я пойду один. Если через пять, максимум десять, минут я не вернусь, свяжитесь с Южным Городом». Возражений не было.

Перелезая через стену, я вообразил почему-то разрушенные здания, как после массовой бомбежки, но дома стояли нетронутыми, и тишина, давящая на мозг, царила вокруг. Город оказался пустым. Людей на улицах не было. Будто сговорившись, они покинули квартиры, но, странное дело, машины брошены, а уйти из города пешком в пустыню – такое могло придумать только больное воображение.

Спустившись на землю, огляделся. Часть автомобилей припаркованы на стоянках, обочинах, какие-то брошены посреди дороги. Даже увидел две столкнувшиеся машины, но говорить о панике в мегаполисе я не решился бы. Опять давящая тишина привлекла внимание. Ясно, раз каменные джунгли люди покинули и должно быть спокойно, но почудилось что-то неестественное в гробовой тишине. Словно урбанистический пейзаж остановился во времени, остекленел. Будто таинственное чудовище хитростью проникло ночью в город и высосало звуки.

Я вышел на связь с экспедицией: «Со мной все в порядке. Возвращаюсь». Заодно проверил контрольно-пропускной пункт, управляющий воротами. Проникнуть оказалось легко. Двери были не заперты. Электричество тоже. Я без труда открыл ворота. Экспедиция вошла в город. Обсудили дальнейшие действия. Биохимик проверил среду. Никаких намеков на отравляющие вещества, вирусы. Ничего, что могло угрожать жизни. Такие результаты поставили в тупик. Не люблю я загадочность. Связавшись с Южным Городом и сообщив о случившемся, мы получили ответ:

– У меня есть предложение: уходить. Но будет неправильно кидать дело на половине пути. Если опасности заражения нет, вам лучше проехать в промышленный сектор заправить топливом цистерны, если это возможно, и, не медля, домой. Да, кстати, не забывайте тестировать окружающую среду. Если заметите что-то неладное, возвращайтесь. А так, действуйте по обстоятельствам.

Мы не строго соблюдали указания руководства. Иногда отклонялись от маршрута. Все ж любопытство оказывалось сильнее того потаенного страха перед неизвестным. По дороге в промышленный сектор мы пытались искать жителей города или хотя бы признаки их недавнего присутствия. Небольшими группами, заходя в дома, видели то, что когда-то было людьми. В каждой новой находке нас ждал вопрос. В некоторых квартирах пришлось выламывать двери, ибо вход оказывался заваленным сломанной мебелью, но случалось и обратное. Попадались квартиры с сорванными с петель дверями. В забаррикадированных жилищах, полный хаос, все перевернуто вверх дном, на полу угли от костра, вокруг которых валялись скелеты в одеждах. В квартирах без дверей ни мебели, ни предметов домашней обстановки, ни жильцов. В таких местах редко попадались человеческие кости и черепа. Один раз удалось найти целый скелет, но без одежды.

Эта бесстрастная фиксация увиденного не клеилась с тем, что мы испытывали. Конечно, люди молчали, ничего не говорили, но я чувствовал напряжение в воздухе и немой вопрос на лицах: «Что здесь произошло?» У меня не было ответа. Я лишь записывал в тетрадь, считая, может быть, это пригодится. Хотя в нагромождении фактов, льющихся на бумагу, не видел смысла. Чем больше квартир мы открывали, тем больше появлялось вопросов, ни одна находка не разрешила тайны. «Радиация в норме», «вирусов нет» выдавали приборы, и их нули, словно глазки, удивленно глядели на нас: а что вы хотите? Последние дома мы обследовали без надежды найти нечто, объясняющее произошедшее. Время подошло к полудню, а караван машин передвигался по улицам и проспектам налегке. Пришло время вспомнить и о цели визита. Осознав свою беспомощность перед загадочным происшествием, я плюнул на все. «Еще одно здание и направляем колону автомобилей в промышленный сектор», – распорядился я.

В одной из квартир того злополучного строения мы и нашли тетрадь. Явилась мысль о намеренности, словно подкинули эти записи, начинающийся со слов: «Тьма пришла с заречной части». Далее – сбивчивое повествование, смысл которого в том, что духи явились и всех уничтожили. Кончались записи в сюрреалистическом ключе. Удивительно, но я дословно помню это. Последние предложения написаны нервной рукой, буквы прыгали, словно человека трясло в лихорадке. То ли он сон описал, то ли галлюцинацию.

«В голове крутились одни и те же события. С завидным постоянством. Я проснулся от непонятного шума. Что это? Для чего? Вышел из лаборатории. Увидел белый халат незнакомки. Женский силуэт стоял мгновение перед глазами. Но образ ее не внутри меня. Это не воспоминание. Будто происходящее сейчас. Открываю дверь на улицу. И тут нить привычных образов рвется. Совсем другая картина. Словно нерадивый монтаж кадров. Не то склеили. Качнуло. Я не удержался и упал медленно в пустоту. Она открылась за входной дверью. Ориентиров нет. Одна космическая ночь без светил. Но вскоре неведомая сила утянула в бок. Я провалился внутрь серой, подобной вихрю, воронки. Размер ее огромен. Око смерча. Трудно представить его размеры. Но там сверху (око находилось надо мной) увидел свою планету. И так близко. Чересчур близко. Можно дотянуться рукой. Можно захлебнуться от счастья. Но это иллюзия. Я глянул вниз и рассмотрел, что там. Нижняя часть воронки – черный круг. В том мраке обитал кто-то мертвый. Я не мог понять разумом как способно жить уже умершее. Я услышал свое имя. Обернулся на голос и увидел ЕЕ. Это ОНА. У НЕЕ нет имени. Темная тайна сопровождает ЕЕ. ОНА. Это была женщина. Точно. ЕЕ стан очень узок. Я смог разглядеть сущность. Вся фигура незнакомки словно размыта. Контуры нечеткие. Только маска на лице видна хорошо. Она черная. Непроницаемая. Не мог разглядеть глаз в узких прорезях. Я пытался. Но тщетно. Маска казалась зыбкой и подвижной. Тут я понял: у НЕЕ нет лица. Была только маска. Догадка, как лезвие острого ножа, полоснула меня. Глаз нет. Но я почувствовал внимательный взгляд. Он, мертвенно-живой, как у того круга внизу.

И я соскользнул вниз. Цепляться за что-то оказалось невозможным. Тогда каким-то чудом я рванул в сторону – вышел из смерча. Меня выбросило. Мои истерзанные члены. Моя уставшая плоть. Мое измочаленное существо в горизонтальном положении. Накрыла темнота. Затем вдалеке мелькнуло пятно света. Смазавшись, оно улетело ввысь. Я лежал на твердой поверхности. Озарение явилось неожиданно: «Я нахожусь в темной прихожей». Прозвучал голос:

– Господин, я же предупреждал быть осторожней. Лампочка перегорела.

Сильные руки схватили меня за плечи и поставили на ноги.

– Ну вот, все в порядке.

Я в упор посмотрел на незнакомца. Это привратник. Его не смутил прямой взгляд. Он улыбнулся и произнес:

– Что же вы опаздываете, вас давно ждут.

Привратник указал на закрытую стеклянную дверь, играющую изнутри желтым светом.

– Где? – спросил я.

– В аду, господин, в аду.

Я подошел к двери и...».

Далее я прочитал, вроде, «открыл ее», но слова были перечеркнуты. В общем, полное разочарование. А с другой стороны, что я мог ожидать, пролистав на последнюю страницу? Связанное повествование? В фантастических романах автор раскладывает все по полочкам, ювелирно работая над текстом, и красиво завершает сюжет, а в нашем случае найденные куски головоломки не составляли единой картины.

Я забрал тетрадь. Нам предстояло ехать в заречную часть, где и располагался промышленный сектор, откуда и пришла беда, если полагаться на записки.

Северный Город делился рекой примерно на две равные части, а написал я об этом в прошедшем времени, потому что реки не было. Мы переезжали мост, и тут шофер остановил машину. «В чем дело?» – спросил я, но ответа не понадобилось. Водитель лишь указал влево, и я увидел вместо привычной ряби желтый песок. Колона встала. Я выбрался из автомобиля и подошел к краю моста. Высохшее русло, от которого разило жаром, привиделось почему-то вывернутыми внутренностями животного. Но мгновение спустя мираж растворился. Лишь тревога раненым зверем затрепетала внутри, но что на самом деле гнездилось в душе, я не ответил бы. Будто механизм сломался внутри. Не верил я в мистику, но мегаполис пропах ей так, что дышать не возможно.

Я вернулся в кабину и сказал угрюмо: «Поехали».

В голове сложился план действий. Во-первых, заправить емкости. На связь так никто и не вышел, а приборы дали отрицательные результаты: угрозы жизни не было. Значит, цель экспедиции будет выполнена. Я ругнулся мысленно на обе администрации (Северного и Южного Города) на то, что они так и не смогли договориться между собой о прокладке нефтяного трубопровода. Во-вторых, нужно понять причины исчезновения населения. Поняв их, мы обезопасим себя от непредвиденных угроз.

Во мне укоренилась идея о техногенной катастрофе, и я захотел обследовать предприятия промышленного сектора.

Связавшись с шефом, я поделился мыслями. Он скептически отнесся к моей инициативе, но дал добро.

Итак, мы оказались в промышленном секторе и, разбившись на группы, окунулись в поиски того, чего сами не знали. Я попросил тут же выходить на связь, если они заметят что-то необычное на их взгляд, но задерживаться членам экспедиции не рекомендовал. Всего существовало пять промышленных комплексов, поэтому тщательное обследование отняло бы много времени.

Сколько же реально длились наши мытарства, не знаю. Даже сейчас затрудняюсь предположить. Казалось, мы вечность проторчали в Северном Городе. Минуты текли, как густая смола.

Проверив четыре комплекса, команда явно устала. Люди бросали косые взгляды на меня, но выполняла указания, и радость стала неподдельной, когда, подошла очередь последнего комплекса. Мы стояли у проходной, уже собираясь войти, но внимание привлекло движение в конце улицы. Что-то, или точнее кто-то, быстро приблизился к нам. Пес. Лохматый, некрупный, он остановился рядом с колонной машин, сел, почесал за ухом. Наконец-то, живое существо в умершем городе. Может, единственное выживший. Собака тоже с любопытством посмотрела на нас. Я запомнил эту лохматую голову, внимательный взгляд. Но дальше случилось то, чего никто не ожидал. Кровь ударила в виски, спина взмокла, и я не поверил своим ушам. Животное заговорило весело и непринужденно:

– А я слышу звук, почуял запахи нездешние, значит, кто-то живой, кто-то есть. Я очень надеялся. Как хорошо. Ожидания не напрасны.

Мне это не показалось забавным. Сейчас печатаю эти строки и улыбаюсь, но в Северном Городе я желал провалиться сквозь землю. Лишь бы он исчез. Мысли спутались. Люди молчали. Никто не пошевелился. Я почувствовал мерзкий ручеек, скользнувший между лопаток. В жизни не раз клялся, что не буду попадать в нелепые и сложные ситуации, что научусь предвидеть, но, скорее всего, по неосмотрительности, или из-за бесшабашности, я умело вляпывался с завидным постоянством. Затем я устраивал себе разнос, успокаивался, проходило время, забывалось.

Я машинально дотронулся пальцами до лба. Он был в испарине. Есть такое словосочетание: «побледнеть от страха», и я физически ощутил, как кровь отхлынула от лица. Хотел что-то сказать, но губы не слушались.

– Ну, чего не отвечаете? Языки прикусили? – настороженно спросил пес.

– Ты... Говоришь? – дрожащим голосом произнес я.

– Да, а что в этом особенного?

– Просто собаки не говорят, – выдавил из себя фразу.

– Ну, насчет собак не знаю, а я вот болтаю, и это дело обыденное.

Нелепо вышло: группа здоровых мужиков испугалась одной небольшой собаки. Замешательство улетучилось, и мы осознали абсурдность ситуации – испугались пса. Вроде, он настроен к нам дружелюбно. Любопытство завладело мной, но, подбирая каждое слово, я осторожничал. Кто знает, что на уме у животного? Скажешь не подумавши и...

Я с опаской произнес:

– Ты хотя бы понимаешь, что здесь произошло? Куда делись люди?

– А они разве были? – на этот раз был удивлен пес. Он повертел головой и уставился на меня.

– Да.

– Когда я появился, никого не видел.

Животное встало и, переступая с ноги на ногу, завертелось на месте. То ли ему не терпелось сказать нечто важное, то ли мой вопрос на него так подействовал.

– А ты откуда взялся? – осторожно спросил я.

– Вон из этой проходной. – Он по-человечески кивнул в сторону комплекса.

– Ты, значит, с предприятия? Ты там родился?

– Появился, – отрезал пес.

Наконец, он успокоился, сел и нетерпеливо забил хвостом по земле.

– А сможешь показать это место? Да, как тебя называть?

– Я безымянный. Я пришел в этот мир ногами вперед. Шутка. Так хотите видеть место моего появления? – Я кивнул. – К чему же глупые вопросы? Следуйте за мной. Кстати, а зачем вам видеть то место?

– Мы считаем, что там скрывается причина всех...

– Да, да, да. Я понимаю. Что-то случилось, но могу заверить, людей не было.

Животное появилось, как божество из машины. Меня не отпускало ощущение надуманности происходящего, словно кто-то посмеялся над моими убеждениями. Прочитать вымышленную историю о встрече с говорящим псом было б забавно, но увидеть и услышать в реальности не хотелось бы.

Мы пошли за собакой. Она бодро перебирала лапами, чувствуя себя словно дома, гну савила под нос песенку. Мелькнула мысль: «Кто-то разбил историю на фрагменты и смешал их, а потом соединил, не заботясь о логике. Говорящий пес, скелеты людей, животное, странный дневник...».

Да, впервые в Северном Городе мне пришла идея о давлении над нами высшей сущности. Не бога, не вселенского разума, а закона, действующего там, где мы не можем противопоставить ему ничего, ибо не понимаем смыслов. Тогда же я подумал: «Возможно, объективный мир стремится к абсурду, к размытию понятий, к борьбе всех против всех. Но когда-то он минует точку наибольшего хаоса и уходит... Куда?»

Идя по пятам за животным, мы вошли на территорию предприятия. По правую руку находилось вытянутое здание. Подобные сооружения служили для помещений общего пользования, например, для столовой, для комнат отдыха. Следуя за псом, мы обогнули строение справа, и увидели многоэтажное сооружение.

– Вот этот дом. Все началось здесь, – сказала собака.

Мы подошли к парадному входу и прочитали табличку. Это был научно-производственный корпус, занимающийся опытными работами в области квантовой физики. Пес провёл нас дальше. Мелькнула мысль о готовящейся ловушке. Жаль, не разрешалось носить оружие. Но тревожившие домыслы улетучились, когда экспедиция, пройдя первым этажом, оказалась в подвальном помещении, где находились животные, точнее то, что от них осталось в результате экспериментов. Но что здесь произошло? Чье научное любопытство изуродовало «живой материал» так, что остались скелеты зверей? Еще одна загадка и еще один тупик. Мы облазили комнаты в поисках ответа. Странно, но никаких журналов и отчетов не нашлось, а вот в одной из клеток увидели доказательство экспериментов. Осел беспомощной тушей лежал за стальными прутьями среди разбросанных костей. Оно дышало. Я спросил пса:

– Скажи, ты точно не знаешь, что здесь произошло?

– Нет. – Собака зашевелила ушами.

– И какие эксперименты здесь производили?

– Не в курсе. – Взгляд пса насторожил.

– Точно?

– Да я же говорю, что ничего не знаю. Вообще я не собираюсь отвечать за людей. Что это за эксперименты, для чего? Они гроша ломанного не стоят. Я так думаю: препарирование дает иллюзию развития, хотя под скальпелем прогресса совершается убийство человечества.

– Ты думаешь, все опыты над животными, и не только эти, бесполезны?

– Да. Не стоит овчинка выделки.

Пес занервничал.

– Ну, а как же, по-твоему, мы узнаем о внутреннем строении организма зверей? – задал я ему вопрос.

– А вы спросили разрешения кромсать нас? Нифига! Когда режут человека – это преступление, а когда животных – научная необходимость. Может, стоит поставить эксперимент над человеком? Пустить ему кровь в целях научной необходимости?! А? Царечки природы, что скажите? Короче, какого вы имеете права покушаться на нашу жизнь?

– Пес.

– Сам ты...

– Мне хотелось прояснить ситуацию. Может, не стоит сориться?

Но он проигнорировал мой вопрос и сказал:

– Ваши проблемы, вы и разбирайтесь.

Глава 3. Смена работы

Единственную ниточку, которая смогла бы привести нас к разгадке, мы упустили. Пес не шел на контакт, он отмалчивался, а если говорил, то говорил неохотно, будто делая милость. Животное бегало по этажу, нюхало, настороженно застывало на месте, шевелило ушами, словно в предчувствии нехорошего. Я вновь попытался подступить к нему. Он неопределенно заявил: «Ох, не нравится мне здесь. Воздух плохой. А от чего никак не пойму» – и все в таком духе. Может, он знал, или делал вид, что догадывается.

Осмотрев помещение, мы увидели на стеллажах различные средства измерения, блоки питания, генераторы высокой частоты, портативные модуляторы – назначение всего этого было известно. Однако наш ум терялся в догадках, когда находили странные агрегаты. Мне показалось, что их наличие в лаборатории неестественно, словно они не к месту. Я и сейчас не могу точно описать ощущения, подходящих слов нет. Как будто странные конструкции агрегатов созданы не человеческими руками. Да и непонятные надписи на них, больше похожи на бессмысленные рисунки, чем на слова. Если это и имело значение, оно нам так и не открылось. Скорее всего, здесь проходили закрытые эксперименты. Я вспомнил слова Лаца. Да, слышал о теории квантового луча, но тогда это показалось фантастикой, пусть и не такой далекой. Моих знаний физики не хватило осмыслить случившееся в подвальном помещении. Были озвучены догадки, но сейчас я не помню их. Возможно, имелось рациональное зерно в предположениях моей команды.

В итоге, мы решили разбиться на группы и обследовать другие этажи, ограничив время осмотра.

«Когда закончим, – сказал я, – встречаемся в фойе».

Говорящий пес увязался за мной. Теперь он в основном молчал, опять прислушивался и принимался, недовольно фыркал. И это меня больше всего раздражало. «Ведь он что-то знает, – мелькнула мысль, – вредное животное! Сказал бы, да и дело с концом». Я заговорил с ним:

– Тебя что-то мучает, пес?

– Беспокоит.

– Так расскажи. Легче станет. Я вижу, ты не договариваешь?

– Легче? Легче уже никому не будет. Эта цивилизация катится к черту, и чтоб не было так страшно, надо завязать глаза.

– А если без иносказаний?

– Здесь пахнет смертью. Везде.

– Значит, люди погибли?

– Они погибли раньше, чем умерли их тела.

Опять эти тайны! Я замолчал. Мне не хотелось продолжать беседу. Честно сказать, я был в отчаянии. Это животное создало вокруг себя ауру напряженности. Не раз я встречал в своей жизни людей, которые, еще не заговорив, вызвали отторжение, ты настораживался, словно ожидая подвоха от незнакомца, хотя он не дал повода так думать ни действиями, ни словами, ни взглядом. Вот и присутствие пса било по нервам. Я облегченно выдохнул, когда он исчез. А случилось так: вначале животное лягнуло что-то вроде: «Я по делам» и шмыгнуло в темный коридор. Это было странно. Я включил фонарь и побежал за ним, но какое там, его и след простыл. Темный коридор вывел меня в электроцех. Обследовав его и ничего необычного не обнаружив, я вернулся на место, где я расстался с псом. Больше мне да и никому из членов экспедиции он не попался.

Время прошло бездарно. Поиск ничего не дал. Вся группа собралась в фойе. Я вышел на связь с Южным Городом и рассказал все.

- Значит, говорящий пес и осел? – зачем-то задал уточняющий вопрос начальник.
- Да.
- Так. Дай подумать. Среди вас есть медик. Как он оценивает состояние осла? Я бросил короткий взгляд на Лаца.
- Тяжелое. Правда, он имеет поверхностные знания в зоологии.
- Я понимаю. Осла нужно доставить в наш город и передать специалистам. Индиго, ты сможешь обеспечить его транспортировку?
- Постараюсь.
- Я уже сообщил о происшествии в Северном Городе куда следует. Когда им будет известно об осле, то они пожелают его заполучить.
- А говорящий пес?
- Мы его упустили. Это наш промах, но я промолчу об этой ошибке. Также передай всем участникам экспедиции мой приказ: никакого говорящего пса не было.
- Ясно.
- Думаю, что собака никуда не денется и рано или поздно чрезвычайная комиссия найдет животное.

Скажу, забегая вперед, что этого не случилось. Пса так и не обнаружили в Северном Городе.

Перечитал напечатанное выше и понял, что животное вызвало противоречивые чувства. Хотелось тогда узнать у него больше, но непонятное отвращение останавливало. Но все на время, конечно, забылось, когда я вернулся домой.

Начальник попросил зайти к нему. Я приготовился к неприятному разговору. Сначала шеф спросил по работе:

- Как обстоит дело с твоими документами? Деньги за экспедицию получил?
- Все в порядке.
- Ну, вот и отлично, а то при такой ситуации...
- О чем вы?
- Сам знаешь.
- Никто не мог предполагать, что случится в Северном Городе.
- Я не соглашусь с тобой.

И к чему эти все откровения именно сейчас, когда я стою, можно сказать, на пороге и собираюсь уйти? У меня создалось впечатление, что он будто хотел меня предостеречь, но вот от чего? Начальник выражал свои мысли туманно.

– Ученые, которые занимались опытами с пространством и временем, могли предвидеть такой исход, но почему проигнорировали, не знаю. Теперь у них об этом не спросишь, они все мертвы. Факты, которые будут собраны в результате расследования, не дадут полной картины катастрофы. Я в этом уверен. Чтобы все понять надо дойти до вершины.

Он закончил говорить, и мы попрощались.

Тут нужно сделать необходимое отступление. Устойчивое словосочетание «дойти до вершины» обозначает: «дойти до самой сути». Причем здесь вершина? Корни этого выражения уходят в легенду. Позже я нашел ее электронный вариант в бортовом компьютере космической станции. Мне известно множество интерпретаций. Кто-то из авторов лишь сухо пересказывает древний миф, другие же расцвечивают его всеми красками, позволяя вольности с текстом, но суть истории оставляя неприкосновенной.

Давным-давно жили три брата. Их дома стояли рядом друг с другом, далее простиралось поле, а горизонт скрывал туман, но однажды он рассеялся. Раньше такого не случалось ни разу. На их памяти точно. И вот, спавшая пелена открыла братьям высокую гору. Она вознесла свою вершину так высоко, что та терялась от взора за облаками. Братья заинтере-

совались горой и решили однажды познакомиться с ней ближе, решили дойти до ее подножия и подняться вверх. И настал этот день. Братья двинулись в путь и очутились, спустя недолгое время, у подножья. Тут молвил старший брат: «Много деревьев здесь с вкусными плодами, и этого хватит нам надолго, если не лениться и собрать их, так что, если вы хотите, то следуйте дальше, а я, пожалуй, останусь». Только два брата стали взбираться на вершину. Путь их был труден. Прошла пара дней, и вышел они на высокогорные луга, и слышали пение ручьев. Воздух чистый, а трава зеленая и сочная, вода вкусная. Тогда молвил средний брат, что держал скот: «Это прекрасное место. Для моих овец корма предостаточно. Я буду сюда их гонять, когда луга нашей земли оскудеют. Послушай, брат, ты, если хочешь, иди дальше, а я останусь здесь и осмотрюсь». И вот, лишь один из троих отправился в путь. Дорога была трудна. Погода испортилась, стало холоднее, но младший брат, проявляя упорство, лез на вершину. Наконец, и его путь был завершен. Холод, сияющий снег, лед, синее небо обступили вокруг. Да, он ничего не приобрел, кроме полного знания об этой горе, ведь младший брат дошел до самой сути, где ничего нет. Нет плодоносящих деревьев, сочных трав и журчащих родников.

Эта сказка давно известна нашей цивилизации. Ученые так и не пришли к единому мнению, какая нация измыслила ее, ибо на разных континентах она будто зародилась одновременно и была знакома каждой народности в разных вариантах. Но три брата всегда присутствовали в повествовании, они поднимались на гору, соблазнялись разными дарами природы, но в итоге только один из них доходил до вершины.

Это был намек со стороны начальника, но я так и не понял его. Где и когда должно случиться со мной то событие, которое условно называется «дойти до вершины»? Ведь шеф об этом говорил.

Я пришел домой, лег на кровать и провалился в сон.

Меня разбудил сигнал видеофона. Я машинально глянул на будильник. Прошел в свою комнату. На экране видеофона горела надпись: «Пожалуйста, примите факс». Нажал кнопку. Выплыл лист бумаги, где сообщалось, что моя характеристика рассмотрена, я принят на работу, указан номер договора, который я должен подписать. Внизу листа: «Проьба сохранить данный документ. Он является пропуском в отдел кадров. Ждем вас завтра в административном здании Звездного Городка 5/17».

Рассказывать, что было дальше, не имеет смысла. Конечно, на следующий день я, взяв присланный факс, отправился в звездный городок. Узнав, где находится отдел кадров, направился туда. Приняли. Оформили. Знакомая процедура не отложилась в памяти. А дальше пошло теоретическое обучение. На занятиях я не особо стремился с кем-то общаться, даже не испытывал потребности. Машинально приходил в аудиторию, выслушивал лекцию и до свидания, до завтрашнего дня. Молодые парни из подготовительного курса пытались, возможно, заговорить со мной, чтобы завести дружбу, но я не стремился к этому. В общем, не парился я насчет круга общения. Его нет, и нет проблем. Странно, но я не чувствовал свою ущербленность или одиночество, будто целый мир наплевал на меня. Я знаю, есть люди, которые не могут жить без общения. Пара часов воздержания от словесных потоков для них иногда страшнее, чем воздержание от вредной пищи. У меня обратное: ломки от одиночества никогда не возникало. Больше раздражал словесный понос некоторых людей. Они говорят много и на разные темы, и ты ловишь себя на мысли, что голова сейчас взорвется. Приятнее общаться с людьми немногословными. Они дорожат временем, не разбрасываются по пустякам. Их речь точна и остроумна. Таких людей я встречал. Жаль, что редко.

Так время текло ни шатко, ни валко. Я набирался теории. Сказали о том, что скоро ждет медицинский осмотр. Он и определит возможный круг деятельности. Ближе к экзаменам

назначили время. Причем каждому свою дату, то есть не сдавались мы не скопом. Медосмотр растягивался во времени.

Я пришел в лабораторию, находящуюся на территории городка. Здесь и проводили осмотр. Она оказалась светлой и просторной комнатой. Кругом чистота, белый цвет и специфический медицинский запах. Для кого-то он противен, а мне он навеял приятные воспоминания. Моя бабушка в аптеке работала кассиром, и, чтобы занять маленького мальчика по имени Индиго, провожали его в таинственные помещения, где и присутствовал этот запах. Почти каждый день меня встречал мир стеклянных колб разных цветов, весов, спиртовых горелок и прочих волшебных предметов. Запах врезался в память. Каждый раз, приходя на обследования в Звездный городок 5/17, я будто встречался с детством. Только в этот раз я встретился с человеком.

Появление призрака из прошлого не самое приятное. Всегда возникает ощущение, что кто-то вклинивается в размеренной ход жизни, но в этот раз, как ни странно, оказалась наоборот. Я был рад знакомству с «призраком». В кресле отдыхал молодой человек моих лет. Это был Лац. Он посмотрел на меня внимательно. «Надо же, – подумал я, – удивительно, откуда? Игра случая?» Хотя я не верил в случай. Скорее, закономерное стечение обстоятельств.

– Лац! – обрадовался я.

– Индиго? Ты? Вот так да! А я, как ненормальный уставился на тебя. Вот чего не ждал, хотя чего я мелю. Ведь ты тоже...

Действительно, не думая о встрече, можно пройти мимо нее. Не заметить. Порой человек, оказываясь на перекрестке, даже не осознает, что находится на скрещении путей и у него есть выбор пойти по одной из дорог. Я ведь мог и не подать документы в звездный городок, а значит и не встретить знакомого.

– Лац, ты как сюда попал?

– После той экспедиции в Северный Город я уехал в Звездный Городок 5/25, но нашего руководителя перевели на другую должность, и мы, как говорится, остались без хозяина. Организовывать нас оказалось некому. О чем думала администрация, не знаю. В итоге нас рассовали по звездным городками. Я оказался здесь. Живу в девяносто втором доме.

– А я в восьмом. Я инженер электрооборудования. Ты кто по специальности?

– Медик. – Лац задумался. – Слушай, а не пройти ли нам вместе стажировку?

– Не против. Но как ты это устроишь?

– Есть вариант.

Появившийся врач прервал разговор. Нас разослали по разным кабинетам. К этому времени этаж наполнился людьми, как из моей группы, так и мне незнакомыми.

Обычное дело – стажировка. Несколько месяцев после обучения ты должен оттрубить на НИКС (Научно-исследовательской космической станции), а дальше как карта ляжет. Я ждал в предвкушении, что предложит Лац. Я даже не задумывался над тем, какое направление выбрать. Инженеры электрооборудования нужны везде, неважно какое направление выбрало НИКС: гуманитарное ли, техническое ли. Железо есть везде. Об этих станциях и об их работе здесь я не буду рассказывать, ибо всему свое время. Думаю, лучше показать на живом примере и не торопить события.

Наша группа проходила медицинские осмотры, сдавала экзамена. Лаца я больше не видел в поликлиники звездного городка, но однажды он наведился ко мне в общежитие. Я занимал отдельную квартиру в пятиэтажном доме. При желании можно было селиться по двое, но я отказался от такого варианта.

Домофон пропиликал, я подошел к двери и увидел на экране Лаца. Он влетел в прихожую, поприветствовал меня и спросил, где можно поговорить. Мы проследовали в зал.

– Сразу с места в карьер, – начал он. – Вот это, – он указал на зеленую папку, которую держал в руках, – документы и другие важные бумаги. Я думаю, что ты разберешься. Говоря коротко, здесь все необходимое, чтобы попасть тебе на НИКС «Иону».

Я взял папку и положил ее на журнальный столик.

– Ну, Лац, рассказывай. Как ты это провернул?

– Очень просто. Во время нашего разговора я вспомнил, что у меня есть родственник, седьмая вода на киселе, но все ж, он может помочь. Попытка не пытка. Я встретился с ним. Он спокойно отреагировал на мой рассказ о том, как я встретил тебя, как поговорили, и в конце добавил о желании совместной стажировки с тобой. Я не просил родственника отправить нас на конкретную станцию, где работа непыльная и в основном плюешь в потолок. Мне хотелось пройти стажировку именно с тобой. Короче, родственник рассмотрел мое наглое предложение, и попросил зайти на следующий день. Я пришел. Он сказал, что мы отправимся на «Иону», и там хоть чему-то научимся. Назначение этой НИКС – наблюдение за развитием цивилизаций, сбор информации, ее анализ. Все это называется красиво: исторический мониторинг.

Вот так и определилось мое ближайшее будущее, но, когда Лац ушел, я задался вопросом: «А с чего вдруг? Какие мотивы были у него, чтобы предложить мне пройти стажировку?» Казалось, идея у Лаца возникла спонтанно, на пустом месте, и никаких тайных поползновений не скрывалось за поступком. Это была загадка.

Я взял папку с журнального столика и раскрыл ее.

Глава 4. Иона

Давно не возвращался к дневнику. Неделя прошла, точно. Пробежал глазами напечатанное, и будто все существо мое пронизывает неуверенность.

Как приятно было читать на своей планете фантастические книги о приключениях в космосе и в иных мирах. Теплое жилище, уютная постель, ровный холодный свет, падающий на старенький планшет, и погружаешься во вселенную авторского вымысла. В такие минуты мне приходили картины из детства: смутные, зачарованные, таинственные, но всегда нежные. Это чувство сродни погружению в материнскую утробу. И хочется думать, что весь мир – лоно роженицы и ты в начале пути. Но на самом деле все не так. Космос неприветлив. Люди всегда остаются людьми. Так что, фантасты врут на каждом шагу. В реале происходит иначе. Думал, окажусь на «Ионе» и буду описывать жизнь в космосе, но бросил. Забыл. Стало не интересно. Однако осел подтолкнул меня к планшету, если так можно выразиться. Он пару раз мне снился. Я вначале и не понял что и к чему, а затем сказал сам себе: «А, ну, да. Тот самый осел – единственное выжившее животное в Северном городе, не считая говорящего пса».

Сон тот похож на воспоминание. Я вновь участвую в экспедиции. Мы погрузили животное в фургон, а дальше реальность искажается. Я открываю дверцу и заглядываю в полумрак, пытаюсь разглядеть осла, думаю: «Как он там, не сдох?» Зверь дышит ровно и спокойно, он приподнимает голову. Его внимательные глаза посмотрели на меня. Он произносит: «Здравствуй, Индиго, это я, осел. Можно я к тебе зайду?» Я, ничего не ответив, хлопаю дверью. Железный лязг бьет в уши. Вспышка света. Я оказываюсь в просторном белом помещении. Ни стен, ни потолка я не вижу и теряюсь в догадках, где источник света. Откуда этот ровный яркий белый свет? Вдруг передо мной оказывается красное кресло. В нем, вальяжно развалившись, сидит осел. Он уже в человеческом теле, только кожа мышинного цвета, местами поросшая шерстью, и крупная голова животного неестественно держится на плечах. Зверь вновь пристально глядит на меня и произносит: «Раз к тебе нельзя, то я приглашаю к себе. У меня праздник. Именины сердца. Ха! Да, я не шучу. Приветствую тебя на празднике осла. Это не заседание избранных и чванливых, обрюзгших уродов. Это не гнездо багровых идиотов. Сюда приходят все желающие. Но являются сюда с легким сердцем, без груза за плечами. Все, что ранее вы накопили за многомиллионную историю свою, прошу не приносить ко мне. Здесь территория свободных и легконогих бестий, воздушнокрылых существ, лишенных рудиментарных отростков прошлого. Мораль! Нравственность! Совесть! Зачем? Когда вы были животными, все это было нужно вам, чтобы выжить, чтобы не пасть в скотство, чтобы не лечь в одно ложе с природой. Но вы выжили. Зачем несете груз? Вы обязаны приобрести легкость и подняться на новую ступень развития, а совесть и мораль, и нравственность – бремя, жаждущее вас превратить в ничто. Для этого праздник осла. Мой праздник! Чтoб принять легконогoсть и воздушноcть моих идей ступайте ко мне. Я всех приму. Я всем покажу истинный облик замшелых богов ваших. Их время минуло. Пришел мой срок! Я приветствую вас на празднике осла!»

Я проснулся, перевернулся на другой бок. Осел больше не появлялся, но в следующий раз животное вновь появилось. Все так же. Северный город. Экспедиция. Осел в фургоне. Вопрос. Но я на этот раз не стал отмалчиваться и произнес: «Нет уж, сиди здесь».

Я очнулся и сел на постель. Ощущение такое, что вынули душу и вставили обратно в тело, но неудачно, с перекосом. Ее перекалило. И теперь целый мир кажется кривым зеркалом. Развороченные воспоминания. Кто-то украл часть памяти. «Но это сон, всего лишь», – пытаюсь убедить себя. Не стоит воспринимать всерьез даже самый реалистичный кошмар, чего бы взбесившееся сознание ни нарисовало. Я тщетно убеждаю себя. Я не верю

словам. Внутренняя опустошенность соседствует с inferнальным страхом. Наконец, цепкие когти его отпустили. Я встаю с кровати и усаживаюсь за стол. Достāju планшеты и печатаю эти строчки.

В комнате отдыха все еще спят, кроме помощника командира, Кида, он сегодня на вахте и проводит ночь по бортовому времени в рубке.

А теперь в общих словах.

Лац работает по врачебной части. Он все время проводит в информационном центре, штудирует медицинские умозаключения весьма мудрых мужей планеты, за которой мы наблюдаем. Кстати, так и не смог запомнить ее номер в нашем каталоге. Да это и не нужно, все равно экипаж называет планету так, как и ее население, то есть Гуда. Я тоже пока в информационном центре. Мне не скучно. Я изучаю техническую сторону развития Гуды. В сравнении с нами на планете с этим глухо. Лац ехидно зачитывает мне отрывки из медицинских трактатов. Мол, у них врачевание тесно связано с магией, с шарлатанством.

Ладно, на этом пока закончу. Экипаж просыпается. Скоро завтрак.

Сон вывел меня из равновесия. Думал, все на этом и закончу, но нет. Я только-только начал забывать кошмар, как дальнейшие события воскресили опустошенность и страх.

В столовой первым заговорил командир Ордо: «Мне сегодня снился осел». Я насторожился. Командир рассказал сон. Я еще больше напрягся, но молчал. Ордо словно заглянул мне в мозг, когда я спал. Сон оказался таким же, как и у меня. Потом наперебой загалдела команда: «Да, и мне тоже приснилось, и мне, и мне...». Лац скептически отнесся к повышенному вниманию вокруг какого-то сна.

— Ты знаешь, они сейчас похожи на первобытных людей, — шепнул он мне на ухо, — только вот шамана не хватает, который растолковал бы им сновидение. Хотя мне приснилось то же самое...

— И ты молчишь?

— А чего зря базарить-то? Тратить время? Найдется теория, что объяснит этот феномен. Я уверен. Зачем шуметь?

— Командир, — обратился я к Ордо, — хочу вам рассказать об осле.

— Тебе приснился тот же сон?

— Да.

— Ну а что ты можешь рассказать? Неужели ты с ним знаком? — с улыбкой спросил командир.

— В каком-то смысле, да.

Экипаж перестал галдеть. Я рассказал им об экспедиции в Северный Город. Лац в конце истории косо посмотрел на меня, ибо о говорящем псе я даже не намекнул.

— Так это правда? — спросил командир.

— Не понял? Что правда? — удивился я.

— Ну, это... Вся история с исчезновением жителей целого города. Я подумал, журналисты опять переборщили с жареными фактами.

— Вовсе нет.

— А почему вы молчали об этом?

— Не предали значения... Посчитали, что не важно...

— Как сказать, — ответил командир и задумался.

В это время по динамикам раздался голос бортового компьютера: «Внимание. Координатор выходит на связь. Экипажу просьба пройти в рубку».

Наша станция «Иона» ходит по орбите вокруг планеты. Она называется Гуда. Мы не вмешиваемся в ход истории чужеродной цивилизации, лишь следим и фиксируем события. Вклиниваться в иной мир подобно проникновению в мозг, который до конца не изучен, имеет свои тайны. Стараясь анализировать факты, экипаж предсказывает будущее цивилизации на Гуде, иногда прогнозы не сбываются.

Есть и другие станции. Я знаю, в пределах планетарной системы, где мы находимся, «дрейфуют» еще несколько. Однако мы не встречались с ними. Лишь раз одна из немногих промелькнула на радаре – был случай. Другое дело координатор. Это НИКС, следящая за всеми станциями и собирающая информацию с них. Редкие обстоятельства вынуждают координатора идти на стыковку, но в этот день, когда экипаж прошел в рубку, координатор сообщил о стыковке.

Сейчас мы ждем Координатора, поэтому есть время, и я могу настучать пару слов о нашей команде.

Начнем с командира НИКС.

Впервые оказавшись на «Ионе», я прошел в рубку для собеседования. Пустая формальность, ведь фактически меня приняли на практику, но все же. Участвовали в нем завлаб и Ордо – командир экипажа. Лац к тому времени уже отстрелялся. Заведующий лабораторией интересовался, как проходило обучение, что преподавали и прочее. В общем, все по делу, ничего лишнего. Вполне ожидаемые вопросы. Даже стало скучно. Когда он закончил, в беседу вступил командир. Ордо задал вопрос, не относящийся к делу: «Индиго, а какую музыку ты предпочитаешь?» Я внимательно посмотрел на него и произнес: «Что?» Меня будто толкнули в бок, и я очнулся. Вопрос крутился в голове: «Причем здесь музыка?» А тем временем командир повторил фразу и, не дожидаясь моего ответа, стал красочно живописать о каком-то исполнителе. Я посмотрел на него, как на сумасшедшего. После его оды популярному исполнителю эстрадных песен мой мозг стал лихорадочно что-то вспоминать, шарить по закоулкам памяти, собирать по кусочкам музыкальные фрагменты. Я выдал из себя пару слов, надеясь, что он прекратит расспрос, но не тут-то было. Командир нырнул в сферу кинематографа. И там он чувствовал себя, как рыба в воде. Такое впечатление Ордо не занимался делами НИКС, а все время торчал в сети, слушал музыку и смотрел видео. В итоге, все повторилось по той же схеме. На этот раз я ответил содержательней, рассказал, что смотрел из последнего, и почему понравилось или не очень.

Это позже стало известно, что Ордо так всегда поступал. Его день начинался с обхода команды, с обсуждения предстоящих работ и как-то между делом он заводил беседу на отвлеченные темы, рассказывал байки, вспоминал анекдоты. Это я от него узнал, что «голограмма» происходит от слов «голая» и «грамма». Впервые услышал как бы случайно произнесенную фразу: «буду говорить с выражениями» вместо слов «буду говорить с выражением». Узнал о «коническом вопросе» – выражении обозначавшем, что проблему можно решить несколькими способами, что очевидный путь не всегда верен. Если командиру экипажа не удавалось встретиться с командой, то беседа переносилась на конец рабочего дня. Удивительно, все эти фразочки и шуточки кидались им намеренно, имели свое время и место. Большую часть я, естественно, не запомнил.

Мне трудно также припомнить все те нетривиальные технические решения, порожденные его умом. Словно самоцветы, они падали нам под ноги и оставалось лишь подобрать и доработать. Я постоянно удивлялся его эрудиции. Ясно, что хорошая теоретическая подготовка и большой практический опыт важны, но, кроме того, была здесь и интуиция. Так мне казалось. Нет, точнее, я склоняюсь к тому, что командир «Ионы» – человек из выс-

ших сфер бытия. Выражение, конечно, корявое, штамп, но все же не могу подобрать лучшее определение. Словно его мозг подключен к космической базе данных, и все его движения ума в сфере техники больше походили на движения пальцев пианиста, который, не задумываясь, извлекал музыкальные гармонии. Все мановения так легки и непосредственны, что ты не веришь в их простоту. Вдруг является мысль: здесь скрыт секрет, здесь есть тайна, недоступная мне.

Еще одна деталь. Позже я заметил одну странность за командиром. Точнее жест. Ритуал. В то время, когда все отходят ко сну, и не его очередь дежурить, Ордо ласково похлопывает стену рядом с выходом из рубки, говоря: «Спокойной ночи». Пожелание сладких грез относилось к НИКС. Командир воспринимал эту многотонную громадину, как живое существо, а для меня это была всего лишь железка, плавающая в безвоздушном пространстве.

Второй по списку идет Рэйл. Завлаб. Это первый человек из немногочисленного экипажа «Ионы», с которым я встретился на земле. Он должен был доставить меня и Лаца на станцию. Вначале нашего путешествия он ждал нас на космодроме, меряя шагами площадку рядом с челноком. Поздоровавшись, и задав пару вопросов, завлаб пригласил внутрь. Я заблуждался насчет Рэйла. Он производил впечатление неразговорчивого человека. Рэйл невысокого роста, коренастый, в нем чувствуется внутренняя уверенность. У меня даже возникла аналогия с айсбергом. Среди ледяных вод океана стоит он белый и холодный, сверкая на солнце и, кажется, ничто не способно поколебать его. Завлаб вначале таким и представился, но его внимательный и сосредоточенный взгляд лишь ввел в заблуждение.

Однако, как только он попал в благоприятную и привычную для него среду – челнок вышел в космос, – Рэйл разговорился. Вначале завлаб напустил на себя важности, но это у него не очень получилось. Было видно, что он и сам в это не верит: мол, вы молодежь, а я матерый и прожженный опытом космонавт.

Рэйл спросил: «Впервые покидаете грешную землю?». «Да», – ответили мы. Затем он начал рассказывать об океанах.

– Есть три океана. Ну да, три, по-моему. Собственно, водный. Воздушный океан. Наконец, космос. Он тоже океан. Организм, живущий по своим законам, которые нужно чтить.

Как оказалось, у Рэйла есть свой таракан в голове. Любимое насекомое, что не дает покоя. Кажется, мир крутится вокруг этого беспокойного существа. Обоожествление космоса. Нет, я не смеялся над его «идеологией», и с вниманием слушал, ведь никогда до встречи с ним не задумывался над этим.

Рэйл назвал космос океаном, и само собою я вспомнил о покорителях водных просторов. Они проводят большую часть своей жизни в море, сливаются душой со стихией. Океан накладывает на их характер особый узнаваемый отпечаток. Так и космос, хочешь ты того или нет, влияет на тебя.

Я не знаю, как Ордо относится к космосу, воспринимает ли он его как живой организм. Мне трудно сказать. Скорее всего, командир смотрит на эту стихию, как на нечто темное и непонятное, чуждое НИКС. Рэйл, напротив, воспринимает станцию как инородный организм в теле космоса. С другой стороны завлаб говорит: «Эта громоздкая железяка – результат труда многих людей, поэтому его нужно уважать».

Наконец, Кид. После вахты за завтраком он был угрюм. Его мрачная физиономия разглядывала нас. Он не выспался. Кид не проронил ни слова, но в обычном своем состоянии он превращается в ветер. Третий член экипажа является исполняющим обязанности командира, именно поэтому на его долю часто приходится ночная вахта по бортовому времени. Я назвал Кида ветром по одной простой причине. Он стремителен в своих действиях, никогда не задерживается на одном месте, ни на одной мысли, ему трудно сосредоточиться на одном предмете. За все время пребывания на «Ионе» я не замечал за ним той рассудительности командира или того одушевления космоса, что присуща Рэйлу. Кажется иногда, Кид слиш-

ком рассудительный человек, до занудства. Кстати, ветром назвал его я и никогда не произносил прозвище вслух, а так среди членов экипажа закрепились за Кидом прозвище: непоседа. Так именуют детей. Да, что-то ребяческое было в его характере, несмотря на внушительный рост и внешнюю зрелость.

Помню, как однажды после очередного сеанса связи с Координатором, при котором Кид не присутствовал, он спросил Ордо: «В чем была суть переговоров?» Командир стал говорить довольно пресно, раскладывая все по полочкам. Он будто отчитывался перед Кидом. Рассказывал Ордо довольно долго, однако исполняющий обязанности командира выслушивал это как и полагается заместителю. Я уверен, все остальные члены экипажа, включая меня, спустя пару минут, заподозрили какой-то подвох, потому как на Ордо это не похоже. Не любил он бюрократии и разглагольствований впустую. Что касалось работы, говорил четко, ясно и кратко. Таким образом, загипнотизировав Кида искусством плетения словес с применением канцеляризм, командир выдал в конце: «В общем, я отпартовал Координатору, что мы на станции гоняем шары от безделья, занимаемся всякой ерундой, что нас пора гнать взащей в направлении родной планеты».

Кид удивленно поглядел на Ордо.

– Да я пошутил, ты чего? – сказал командир и поведал нам в одном предложении настоящее содержание разговора между ним и Координатором.

Просто удивительно, что Кид так легко обманулся. Не единожды я был свидетелем этих безобидных розыгрышей.

Наш экипаж принял видео сообщение от командира Координатора. Он просил принять команду из пяти человек, которые сопровождают груз, предназначенный для «Ионы». Какое-то новое оборудование для тестирования. Надо, значит, надо, но у нас даже не возникло подозрений, ничего не шевельнулось в умах: а вдруг это ловушка. Возможно, удаленность от земных реалий создала иллюзию отрешенности от проблем. Забегая вперед, скажу, командира координатора не было на экране. Он оказался всего лишь высокопрофессиональной видео подделкой.

«Командир координатора» не обмолвился о подробностях. Что содержал груз? Какое конкретно оборудование? Ордо не спросил документов. Уровень доверия? Не знаю. Формальности все ж стоило соблюдать. Позже, командир винил только себя в промахе. Отчего? Кто знает. Может, и шевельнулось в его душе нехорошее предчувствие, но он не придал значения.

Как только «экипаж с координатора» появились на «Ионе», он не стал устраивать спектаклей и гнуть комедию, не было прелюдий. Экстремисты взяли все под свой контроль быстро и четко. Мы не смогли противостоять, да и смысл. Пять невооруженных людей против пяти с оружием.

– Кто командир? – спросил главарь.

– Я, – ответил Ордо.

– Замечательно, – произнес экстремист, наставив дуло оружия на командира.

Другие взяли на мушку остальных членов экипажа.

Как хотел бы я, чтобы оказалось все злой и неуместной шуткой. Пусть так. Но пять человек и не собирались шутить. Я желал провалиться. Не со мной произошло. Это фильм. Глупое и нелепое кино о попавших в переплет людях на космической станции. В памяти всплыли мутные воспоминания о просмотренных картинах. Фантастический боевик, в котором террористы вершат судьбы заложников.

Наконец, вернувшись к реальности, почувствовал слабость в теле. Мышцы дряблые. Руки дрожали. Я не мог пошевелиться. Охваченный ужасом, разум беспомощно суетился, стараясь уйти от произошедшего. Он искал лазейку, прощмыгнув в которую, можно вырваться на просторы покоя и безмятежности. И он нашел тонкую нить – иллюзию – мое прошлое. Там я был маленьким мальчиком, прыгающим в стог. Лето, яркое солнце, нежное тепло и дурманящий запах скошенной травы. Я прыгнул в нее. Стог мягко прогнулся подо мной. Я оказался наверху и вновь спрыгнул. В этот раз меня стало затягивать в теплую душную яму. И аромат трав показался настолько противным. Я изогнул тело и нырнул в реальность.

– Обещаю жизнь, если не будете рыпаться, – сказал главарь экстремистов.

– Что вы хотите от нас? – спросил спокойно Ордо.

Или мне это показалось. Честно скажу, вряд ли я мог адекватно оценивать ситуацию. Ордо произнес вопрос бесстрастно, будто нет дела ему до происходящего.

– Веди свою команду в столовую. С тобой я поговорю позже. И даже не думайте что-либо предпринимать. У нас все схвачено. Понятно?

Больше главарь шайки не проронил ни слова. Его банда заперла нас в столовой.

– С голоду вы точно не умрете, – мрачно пошутили экстремисты.

«Висеть над бездной» – вот та фраза, которая более или менее приближает к пониманию пережитого. Но что толку объяснять тем, кто не испытал подобного на своей шкуре. Даже я сейчас не могу описать этого. Стучу по виртуальным клавишам, а в голове проносятся разрозненные эпизоды. Они похожи на осколки, крутящиеся в вихре небытия. Для нас в столовой существовало только настоящее, где-то маячило в памяти призрачное прошлое, казавшееся сном, будущего не было.

Когда я печатаю эти строки, то, естественно, ищу оправдание нашим действиям. Пытаюсь понять, как мы допустили промах, но, к сожалению, не находится веских доводов. В отчаянии цепляюсь за каждую мелочь, стараюсь анализировать, чтоб оправдаться, но кроме как темного и непонятного слова «судьба» не возникает в сознании. Я не верю в нее. А, может, она все-таки есть?

Итак, экстремисты закрыли нас в столовой. Сломать или открыть дверь, у нас не было ни какой возможности. Она слишком прочная, чтобы выбить ее, а код замка оказался другим. Похоже, среди экстремистов находились программисты. Мы еще не успели придти в себя, как по динамикам раздался голос.

– Командир НИКС «Иона». Я тут посмотрел бортовой журнал, тебя зовут Ордо. Верно?

Командир подошел к переговорному устройству, включил микрофон и ответил: «Да».

– Я хотел поговорить с тобой. Ну, вот и пришло время, – голос главаря излучал радостную уверенность. – Вы все, наверно, спрашиваете себя, зачем мы тут. Объясняю. Мы сотрем информацию, накопленную о планете Гуда. Затем уничтожим электронные устройства памяти: сбросим их в атмосферу планеты, там они и сгорят.

– Это вандализм, – неуверенно сказал Ордо, ожидая реакции на том конце.

– Это суровая необходимость, – главарь экстремистов рассмеялся. – А не вандализм то, что вы вмешиваетесь в чужую жизнь, в течение эволюции на планете Гуда? Добро, если бы просто собирали информацию, так нет. Конечно, вы крутые, вы больше знаете, вы ушли далеко в развитии, вы боги по сравнению с жителями Гуды. Да? Но это не дает вам права вмешиваться в чужую жизнь. Откуда вы можете знать, что лучше для этой планеты? Это вы мракобесы, а не они. Надеюсь, моя позиция ясна? Прощайте.

Больше экстремисты не выходили с нами на связь.

Я и Лац обратили удивленные взгляды на командира. Он посмотрел на нас как на чужаков, словно пытаясь понять, что хотят от него эти два стажера. Кажется, его мысли еще не пришли в порядок, и он искал слова, чтоб начать рассказ. Ордо быстро проговорил:

– Да, действительно, вмешательство в жизнь Гуды – факт. Только не мы, космическая станция по сбору информации, этим занимаемся, а другая организация, основываясь на наших сведениях.

Почему-то на мгновение я почувствовал себя сопричастным какому-то преступлению.

Я ненадолго потерял доверие к нашему командиру. Как он мог не сообщить нам об этом? В средствах массовой информации – ни слова. По теле- и радиоканалам лишь восторженные репортажи об открытиях новых инопланетных цивилизаций, но никак не о вмешательстве в чужую историю. Ни намека. Но затем я вспомнил, что умолчал о говорящем псе, и вся обида ушла. Да и как я мог судить Ордо, ничего не ведая. Кто знает, может, он жертва системы? Мне не известны подробности.

Одиночки-энтузиасты начинали освоение иных миров, правительство не обращало на них внимания, но в какой-то момент оно смекнуло: а ведь это прибыльное дело. И вот тут закрутилось. Полетели директивы, началось финансирование, и дух романтизма и подвига выветрился. Я так себя это представлял. Именно тогда и появились экстремисты – радикально настроенные группы людей, вставляющие палки правительству. Это они говорили: «Не учите нас жить! Если относиться к природе по-хамски, она погибнет. А вы хотите своим научным щупом разворошить иные цивилизации. А ну-ка, суньте руку в муравейник. Вы нарушите естественный ход жизни насекомых. Теперь наша задача мешать вам, чтобы вы не нарушали течение истории в чужих мирах. Наблюдать – можно, ворошить – нельзя». Я знал, экстремисты действуют на земле. Они взламывают базы данных, содержащие сведения о чужих обитаемых планетах, и стирают информацию. Власти, однако, не говорили, что борцы за не вмешательство еще и действуют в космосе. Чиновникам удавалось скрывать это.

Меня вывел из раздумий голос командира:

– Есть идея. Давайте, сядем за стол.

Мы последовали совету. Он достал из внутреннего кармана маленький блокнот и ручку. Удивительно, ими еще пользуются, когда все заменили карманные устройства. Ордо что-то написал на листке, вырвал его и передал Рэйлу. Он, прочитав, молча передал другому члену экипажа. Дошла очередь до нас. Текст в листке был следующим: «На наше счастье в столовой камеры наблюдения с плохим разрешением, и экстремисты вряд ли что разглядят в моих каракулях, если сейчас наблюдают. Допустим, они уверены в успехе своего предприятия и мы им до лампочки. Главное меньше говорите. Микрофоны и камеры мы отключим физически – обрежем кабели столовыми ножами. Экстремисты за нами не смогут наблюдать. Я предлагаю дожидаться ночи по бортовому времени и выйти в разведку. Есть одна деталь на станции, которая меньше всего напичкана электроникой. Система вентиляции. Только датчики массового расхода воздуха. Там нас не увидят и не услышат, если быть осторожным. Человек, который полезет в шахту – я. Никаких возражений. Это моя оплошность. Мне и исправлять. А теперь вырубаем камеры и микрофоны».

В молчании мы благополучно завершили первую часть плана. Теперь можно говорить свободно.

– Еще раз предупреждаю, возражения не принимаются, – напомнил Ордо. – А то я увидел недовольство на лицах экипажа. Дожидаемся ночного времени.

– Все-таки есть одна деталь, которая мне не нравится, – перебил Рэйл.

– Говори.

– Зачем дожидаться ночи? Мне кажется, экстремисты к этому времени завершат все свои дела и заметят отсутствие сигнала из столовой.

– Верно, – заметил Ордо. – А я и не подумал. Значит, действуем?

И вот тут не было возражений. Ждать столько времени. Да за несколько часов можно сойти с ума. Мы быстро соорудили из стола и стульев что-то вроде лестницы. Кид, как самый

высокий из нас, взгромоздил командира себе на плечи. Ордо снял решетку, передал ее нам и тихо исчез в шахте.

Целая вечность прошла с того момента, как командир растворился в черном квадрате вентиляции. Он вернулся и, погрузившись в беспокойное молчание, рассматривал наши лица. Казалось, Ордо стал свидетелем чего-то невероятного. Того, что описать трудно. Мы знали, он прополз десятки метров в чреве шахты, был у вентиляционной решетки, выходящей в рубку. Что же там он увидел?

Наконец, командир прервал молчание и произнес:

– Ерунда какая-то. Бред. Объяснить не могу. Короче, увидел главаря экстремистов. Он занял мое место и по внешней видеосвязи болтал с полицейским.

– Он выдвинул ультиматум властям? – поинтересовался Кид.

– Да в том-то и дело, что нет. Суть его заявления: я готов состыковаться с полицейским челноком и сдать экстремистов. Спектакль какой-то.

– Может они заманивают полицию, чтоб захватить их в заложники?

– Ну, ты, Кид, тоже скажешь, как комету за хвост поймашь. Скорее главарь шайки – подсадная утка из полиции. Но что-то здесь не вяжется. Я это чувствую, а рационально объяснить не могу.

– А где остальные экстремисты?

– Не знаю, – Ордо задумался, – когда проползал по шахте, то через решетки в отсеках я никого не увидел.

– Ну, может, они в комнате отдыха?

– Не исключено. Мой путь пролегал мимо этого помещения.

Вот уж не знаю, что задумали экстремисты. Предположение Ордо мне казалось самым вероятным, хотя и он не был уверен. Какие мысли бродили в его голове? О чем думал? Я никогда не полагался на интуицию лишь потому, что не верил в нее, значит, и не умел ей воспользоваться. Да, командир иногда казался мне человеком не от мира сего, решения, что он принимал в различных ситуациях озадачивали меня. Из каких глубин сознания возникали они? А сейчас впервые я увидел, что Ордо колеблется. Что для меня лежало на поверхности, для него имело подводные камни. «Нет, все тут так просто», – повторял он, обдумывая что-то.

Ждать долго не пришлось. Мы услышали осторожный стук, эхом прокатившийся по станции – причалил полицейский корабль. Спустя недолго время двери столовой открылись. Вошедший полицейский произнес:

– Вы свободны. Скажу, вам повезло...

– Что главарь оказался вашим человеком? – спросил Ордо.

– Почему?

– Ну, так он...

– Нет, он не работает на нас. Главарь оказался психом. Шарики за ролики заехали, проще говоря. Когда мы его скрутили, он заорал: «Это не я! Это все он! Осел! Он вселился в меня вынудил сдать ребят легавым!» При чем здесь животное? Псих, одним словом. Так что, забейте и радуйтесь жизни.

Вот тут-то я реально испугался. Страх за наши жизни отступил на второй план. Он померк. Осел! Опять он! В мозгу вспыхнули одна за другой мысли и невероятная гипотеза, объясняющая произошедшее сложилась сама собой.

Если полицейский не врет, да и с какой стати ему обманывать, если осел действительно вселился в главаря шайки и внушил ему сдать полиции, то для чего? В чем его

мотив? Зачем он отвел опасность? Почему осел не вселился ни в кого из нас, не подчинил своей воли? Но я прогнал бредовые мысли. Я не поверил им, хотя человек всегда цепляется за определенность, он не желает оказываться в мире хаоса. Если существует страх, имеющий в себе определенные черты, то людям он не опасен, ибо есть образ врага, они видят, с кем борются. Ужаснее всех неопределенность, состояние подвешенности, когда дышит в лицо бездна, желающая лишить тебя разума. Так и моя гипотеза всего лишь попытка удержаться в рамках доступных понятий и ощущений.

Глава 5. Второе космическое приключение

Мне не удастся писать дневник более или менее периодически. Паузы по продолжительности разнятся. Иногда это день или два, порой целая неделя проходит в молчании, и я не открываю текстового файла. Только что глянул в свойства, и убедился – целый месяц не было изменений, но случилось многое.

После происшествия на «Ионе» наша стажировка окончилась. Это и понятно, волей случая количество человек, знающих о проникновениях в инопланетные цивилизации, увеличилось. Полицейские покинули станцию, и сразу же вышла на связь родная планета. Суть сообщения: на «Иону» пришлют трех техников в сопровождении сотрудников правоохранительных органов. Под их присмотром новый персонал займется ремонтом оборудования. Мы не обсуждали решения чиновников, ибо и так все ясно. Они вновь хотят замести следы. Параллельно с восстановлением новоприбывшие люди подчистят модули памяти, чтоб нигде не осталось следов бесчинства бандитов на «Ионе». Похоже, мировое правительство превращается в диктат. С одной стороны и страшно и смешно. Неужели они думают навсегда похоронить историю о вмешательстве в иные цивилизации. На мой взгляд, рано или поздно все всплывет, причем в самый неподходящий момент и в самом неподходящем месте. Только ослепленные и самонадеянные жители планеты могут считать, что силовое вмешательство способно изменить жизнь или остановить ее на желаемом уровне. Сколько раз в нашей истории один строй менял другой именно в то мгновение, когда все казалось незыблемым. Да, я до сих пор не верю в судьбу и, скорее всего, в те смутные времена под ледящей маской судьбы скрывалась сумма воли большинства. Ее не смог одолеть единственный диктат, и все менялось в худшую или в лучшую сторону.

Итак, меня, Лаца, Ордо, Кида и Рэйла отправили на родную планету для психологической реабилитации. Под этой обтекаемой формулировкой пряталось вредное воздействие на психику. Промывание мозгов. Безусловно, с нами, точнее с каждым в отдельности, беседовал психолог. Он помог преодолеть стресс, сгладить впечатления. В особенности это касалось меня и Лаца. Нас считали зелеными юнцами, а, значит, более незащищенными, еще не сумевшими выработать психологического щита к стрессовым ситуациям. Я напечатал здесь так, как сказал врач. Не разбираюсь в психиатрии, поэтому не смог описать своими словами. Образности не хватает. Но я это понял, не сразу, конечно, врач пытался убедить не рассказывать посторонним людям об экстремистах. Он делал это незаметно, поэтому не сразу я и расчухал. Вспоминаются лишь отдельные слова-маяки, слова-коды: «долгий ящик», «несущественное». Вся витиеватость речей врача я не в силах передать, но цель ее понятна. Метод завуалированного психологического давления работал эффективно. Я ничего не предъявил бы полиции. Выступить свидетелем? Рассказать все как есть? Тщетно. Допустим, правоохранительные органы поверили мне. Хотя нет, это немыслимый вариант. Во-первых, они работают на диктат, поэтому слушать меня не станут. Во-вторых, в словах психолога не было ничего противозаконного, ибо речь – пустышка. Важна интонация, подтекст. Слова не имеют ценности. Это лишь обманка, ширма, действующая на подсознание.

После психологической реабилитации я чувствовал себя уставшим загнанным зверем. Я оказался в ловушке, но это были лишь ощущения. Внешне жизнь моя не изменилась. Никто не преследовал, никто не чурался меня, никто не вставлял палки в колеса, и никто не глумился. Изгоем себя я не считал. Лац позже поделился со мной. Он говорил о том же. Внешне жизнь текла своим чередом, но душевный комфорт пропал. Пожалуй, это состояние и сыграло дальнейшую роль в принятии решения.

Пока я и Лац жили в звездном городке, отправили объявление в сеть о поиски работы. Спустя пару дней, на нас вышел инспектор по кадрам. Он не стал распространяться в элек-

тронном письме, а попросил о личной встрече. Мы согласились, предупредив, что работаем вместе. Инспектор тут же отписался: «Хорошо. Я не возражаю. Предложу вам работу в нашей организации, где вы сможете не расставаться». На следующий день он явился. Инспектор, не ища окольных путей в беседе, предложил миновать собеседование и сразу выйти в космос, ибо опыт вне планетной работы у нас имеется. Услышав об этом, мы начали сомневаться. Гость скорчил мину и произнес:

– Так не годится. Вам предлагается уникальный случай попробовать свои силы в новом. Это вам не НИКС. Это эксперимент. Это уникально. Лишь из-за того, что сроки поджимают меня, приходится брать первых попавшихся. Ну?

Забегая вперед скажу, он лукавил. Здесь был расчет. Я еще в самом начале удивился, что нас быстро вычислили. Обычно объявление неделями валяется в сети, а тут... Случайность, решил я, но в разговоре с инспектором сделал иной вывод. Мировое правительство хочет закинуть нас подальше от родной планеты. Устранить физически оно не решилось.

Я задал инспектору вопрос:

– Если не секрет, а что за проект?

– Ничего тайного. Эксперименты со временем. То есть в нашем конкретном случае перемещение в будущее. Оно будет осуществляться в космосе за счет энергии «черной дыры». Понимаю, дело серьезное, поэтому... Двадцать четыре часа вам хватит на обдумывание? – Я кивнул. – Вот и хорошо. До свидания.

Как он ушел я вспомнил, что в средствах массовой информации что-то такое было. Упоминалось о предстоящем «великом событии». Подразумевались эксперименты со временем на людях. До этого физики проводили их на неорганическом и органическом материале.

Итак, дело прояснилось. По крайней мере для меня. Я, не могу объяснить почему, но не испытал страха. И пусть чиновники решили все за нас. Но ничего не шевельнулось в душе. Инстинкта самосохранения уснул сном праведника. Лишь злоба вскипела на родную планету, на мировое правительство. Что ж хотите избавиться от меня?! Пожалуйста! Идите все! Что для меня планета? Дом родной? Нас как бы вежливо попросили покинуть его. Я не буду сопротивляться. Они считают нас быдлом? Что ж, это взаимно. Прощайте. Я мысленно согласился на работу и плюнул на прошлое. Удивившись решению, понял, что не смотря на то, что наша цивилизация достигла высокого уровня развития космонавтики, этический уровень оставлял желать лучшего. И в этом гнездились противоречия, которое разрешалось просто. Нельзя выходить в космос, а тем более вмешиваться в ход истории инопланетных цивилизаций, не чувствуя ответственности.

Напечатанное выше я пересказал Лацу не много другими словами, но суть осталась та же. Он посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

– Индиго, да ты с катушек слетел. Ты чего творишь? Ты соображаешь? Добровольно идешь на костер?

– Вот только не надо!

– Чего не надо? Чего? Тебя убивают, а ты радуешься. Шарики за ролики? А? Эксперимент со временем на то он и эксперимент, что неизвестно, чем закончится и...

– Лац, осадил. Послушай, если мы останемся на своей планете, то они все равно избавятся от нас. Найдут способ. Здесь только на словах демократия, а по сути – тоталитаризм. Основная задача власти – насилие над личностью и не имеет значения, какими способами оно осуществляется. Думаешь, мировое правительство потерпит рядом с собой инакомыслие или тех, кто знает больше? Я не хочу гнить заживо под неусыпным взглядом большого брата. Извини за пафос. Лучше устранить сразу. По крайней мере, так у нас есть шанс выжить. Понимаешь? Кроме того, подальше будем от них. Да что я тебе говорю. Ты и так больше меня понимаешь.

Лац угрюмо посмотрел на меня. Он недовольно буркнул: «Максималист». Но в итоге согласился со мной.

Странны пути человеческие. Если правы древние, то до конца не возможно их постичь, как не старайся. Немереное число раз ты можешь прогнозировать и предугадывать свой шаг, но все-таки случаются повороты в жизни, и ты не готов к ним, ты удивляешься.

Мы согласились на эксперимент со временем, и через сутки должны были отправиться на полигон. Там нас ждал челнок, что отправил на станцию «Хартхрон». «Интересно, – подумал я, – а как мы сработаемся с командиром». Сам не знаю, почему, но вопрос этот волновал. И вот, в первый раз я сосредоточился на своем внутреннем мире. Раньше не замечал за собой такой сосредоточенности. Устраиваясь на работу в экспедиционную контору, или проходя стажировку на «Ионе», никогда не думал о руководстве. Ну, будет то, что будет, посмотрим. Приспособимся.

К моему удивлению срабатываться с командиром станции не пришлось. Я не поверил глазам. Ордо. Его назначили ответственным на «Хартхроне», а остальные члены экипажа оказались людьми с «Ионы». Случай? Судьба? Нет, конечно. Все закономерно. Вначале показалось нелогичным, но затем я решил: «А что, вполне в духе мирового правительства. Собрать людей, столкнувшихся с экстремизмом в космосе, и отправить с глаз долой. Подальше от родной планеты. Кому нужны лишние языки. Экстремизм в космической сфере признавался чиновниками только на земле, а вот вне планетное пространство должно оставаться девственной зоной».

Я подумал, не так уж все плохо складывается, как обрисовал ситуацию сутки назад Лац. Мы буду работать в знакомой среде. Притираться не будем. Да, не скрою, чуть с языка само не слетело: «Дом, милый дом». Опять вспомнились встреча с инспектором по кадрам, его предложение, моя злоба. Теперь я был спокоен, но родная планета также осталось холодной, безжизненной и далекой. Все недавние события отделились от меня. Они словно исчезли за горизонтом. Все кануло в прошлое. Остался реальным мирок «Хартхрона». Будущее и минувшее – были ли они? Некоторые ученые утверждают: не существует миров «до» и «после». Есть настоящее, а все остальное – происходит с нами одновременно, только разум по привычки разлагает линии событий на три времени. Такое чувство возникло, когда я зашел на борт станции.

Ордо не показал вида, что его не радует эксперимент. Никто не знал, чем он закончится. Командир понимал, что собрали нас специально. И не больно беспокоились о результатах перемещения во времени «бумажные черви», наблюдающие за нами с родной планеты. Мы долго обсуждали все, что с нами случилось на земле, иногда перебивали друг друга. Находили много общего. Они долго не могли найти работу, но отправив объявление в сеть, также удивились скорому ответу. Да, власти все продумали. Но ни обреченности, ни уныния не было. Некогда опускать руки. Надо выживать.

Беседа прошла оживленно. Ордо произнес не без иронии в конце: «Ладно, хватит точить лясы, приступаем к делу». И началось обсуждение предстоящей работы. Наша задача заключалась в непрерывной проверке готовности оборудования до тех пор, пока станция не окажется на определенном расстоянии от «черной дыры». Она должна послужить «разгонным пунктом» для «Хартхрона». Пройдя рядом с «дырой», мы перемещаемся во времени.

Не стоит описывать мониторинг систем. Скучная работа. С другой стороны, она не отнимала много времени, и не казалось обременительной. И все потекло по знакомому руслу. Как на «Ионе». Ордо после пробуждения собирал экипаж. Мы обсуждали работу на сутки вперед, задавали вопросы, между делом шутили, травили байки. Такая атмосфера

на станции нравилась всем. Родная планета все реже и реже выходила на связь, требуя отчеты, и не интересовалось остальным. Да, это была свобода.

В начале рабочего дня ЦУП вышел на связь. Командир отчитался. Мы еще что-то обсудили и отправились в столовую.

Это случилось за завтраком. Я и не сразу заметил, как Лац запрокинул голову, а затем сполз со стула. «Обморок», – четко прореагировал Ордо. Оказалась непонятной его причина. Тогда запомнилось бледное лицо Лаца пятно крови над верхней губой. Мне показалось это странным. Он не ударялся лицом, но довериться памяти я и сейчас не могу. Все случилось внезапно. Секунду назад Лац был здоров. Мгновение спустя, он лежал на полу. Время будто сжалось.

Прогнав оцепенение, я последовал в медицинский отсек. Лац все еще был без сознания. Его положили на постель. Он пришел в себя и, прищурившись, словно свет слепил его, посмотрел на меня внимательно. Тогда я не придавал значения взгляду, но сейчас понимаю, что это был знакомый взгляд. Он будто всплыл из глубины человеческого сознания. Он не принадлежал Лацу.

– А, это ты, – произнес Лац.

– Как ты себе чувствуешь? – спросил я.

– Голова раскалывается.

– Надо просканировать мозг. Возможно сотрясение, – вмешался Рэйл.

– Не стоит беспокоиться, я чувствую себя лучше, – ответил друг, но голос его изменился. Вначале я отнес это к усталости после обморока, но я ошибался. Оно уже выбралось на свет. Я подсознательно расслышал шаги этого существа, и только разум цеплялся за привычное:

– Лежи, Лац. Тебе нужно отдохнуть.

Друг посмотрел на меня отсутствующим взглядом, потом его выражение лица резко изменилось. Оно стало звериным. Лац ощерился, словно хищное животное.

– Какой я тебе Лац, Индиго, я пришел в этот мир ногами вперед, – голос прозвучал глухо.

Догадка, как удар электрического тока, поразила меня. Осел! Он находился внутри тела. Я набросился на Лаца и схватил его за воротник.

– Осел! Сволочь! Оставь его в покое!

– Ни за что Индиго, вы все равно все умре...

Осел не договорил. Мои пальцы сомкнулись на шее Лаца.

Все выше описанное смутно помнится. Дальше наступило небытие. Только из рассказа Ордо, я знаю, как оттащили меня от Лаца, как скрутили руки за спиной, как отвели в комнату отдыха и вкололи транквилизатор.

Я, похоже, не мастер описывать крайние состояния человеческой души. Вот и сейчас, перечитывая напечатанное выше, усомнился в деталях. Так ли они точны? Но ничего не поделаешь. Изложил, как есть.

Я очнулся. Прошли целые сутки. Рядом с моей кроватью сидел командир.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Ордо.

– Ничего. Только слабость в мышцах.

– Это транквилизатор.

– Как Лац?

– Хуже. Он в коме.

– Ничего нельзя изменить?

– Если бы это являлось заболеванием тела, то мы смогли хоть что-то сделать, а так...

Непонятная опухоль в голове, кровеносные сосуды мозга воспалены и, что всего хуже, идет перестройка организма на генетическом уровне. Я, как понимаю, то существо из Северного

Города вселилось в Лаца. Даже здесь нет покоя нам от родной планеты, – Ордо задумался и спросил, чтобы отвлечься от мрачных мыслей: – кстати, а почему ты его в припадке гнева ослом назвал?

– Ну, я как предполагаю, та сущность вселилась в животное, в осла. Затем – в Лаца.

– А, все верно. Точно. У меня мысли не там бродят. Элементарных вещей сообразить не могу. Осел – имя нарицательное.

Ордо вновь замолчал.

После транквилизатора я чувствовал себя отвратительно. Сильная слабость. Короткая беседа с командиром утомила. Глаза сами закрывались, но сонный разум догадался, что командир еще хотел что-то сказать, но не решался.

– Ордо.

– М?

– Что-нибудь случилось?

– Да. И все ведь не во время. У нас тут инопланетяне нарисовались.

Я удивленно посмотрел на командира, пытаюсь сообразить, правда это или... Шутит? Мои потуги, видимо, отразились на лице, и Ордо продолжил:

– Я не шучу. Не те обстоятельства. Да, инопланетяне. Рано или поздно это должно было случиться с нашей цивилизацией, но чтобы при таких обстоятельствах? И почему именно сейчас? Короче, их космический корабль находится в зоне оптической видимости. Мы не знаем их языка. Пока не знаем. Но намерения незваных гостей ясны: они желают контактировать.

Времени свойственно трансформироваться и сплетаться в причудливые узоры. Я был уверен, что память о встрече с инопланетянами покроется благородной позолотой, станет мифом с налетом романтизма. Но ощущение чего-то особенного и важного не посетило меня.

Два космических корабля встретились в безвоздушном пространстве и попытались наладить контакт. Гости оказались в более выгодном положении: они использовали оригинальное переговорное устройство, которым наше судно обладало. Что это было? Голография? Из чрева корабля выстреливал зеленый луч и рисовал образы. Они вращались перед нами, сменяли друг друга. Мы различили свое судно, стыкующееся с их кораблем при помощи гибкого шлюза. Так мы поняли голограмму. Это было приглашение к контакту. Наши возможности оказались более чем скромными: средства стыковки имелись, но чисто условные. Затем в космосе появился зеленый круг. Он постепенно таял. Сектор за сектором. Это таймер. У нас было, если переводить на наше время, около часа, чтобы ответить согласием или отклонить предложение. Бортовой компьютер просканировал чужака. Такого корабля не нашлось в реестре, что еще раз подтвердило его инопланетное происхождение. Кроме того, сканер дал отрицательный результат о наличии оружия на борту. Это оказалось гражданское судно. Хотя как должно выглядеть оружие чужаков, никто не знал.

Ордо приказал готовиться к стыковке. Наш космический корабль медленно развернулся. Мы включили сигнальные огни, подсвечивающие стыковочный отсек, и ждали следующего шага.

«Может, инопланетное судно – правительственный корабль, – произнес командир, – или исследовательская станция?»

Но если правительственное, то где военный эскорт? Научно-исследовательское судно?

Но позже была разрушена и эта версия.

Пришельцы, судя по скафандрам, оказались такими же, как и мы. Одна голова, две руки, две ноги, зеркальная симметрия тела. Двое из них вышли в открытый космос и минут десять что-то делали на своем корабле, затем неуклюже вползли во чрево судна сквозь круглую дыру. Почти сразу открылась дверь, судя по всему, стыковочного отсека. Оттуда выплыла громоздкая гофрированная «кишка». Она уверенно направилась к сигнальным огням. Похоже, гибкий шлюз управлялся каким-то образом с их корабля.

Я и Рэйл не были среди встречающих. Мы остались в рубке. Другие члены экипажа, натянув скафандры, отправились в стыковочный отсек.

Пришельцы оказались в рубке. Удивительно, но они внешне не отличались от нас. Только кожа их была бледнее и черты лица более грубые. Внимательные миндалевидные слегка раскосые глаза рассматривали нас. Носы инопланетян маленькие. Я вначале и не смог разглядеть их, но все же имелся небольшой выступ. Мелькнула мысль: «Неужели эволюция, какими извилистыми путями она бы не шла, приходит в итоге к такому решению? Жители разных планет имеют схожую внешность? Или нам просто повезло встретить себе подобных?»

Я не буду распространяться о том, как мы налаживали контакт. Слишком долго, хоть и с интересом проходила расшифровка языка. Один из пришельцев, наверно командир, положил перед нами что-то вроде планшета. Экран засветился. Ордо предусмотрительно включил лингвоанализатор и установил камеру рядом с их устройством. Ясно, что пришелец собирался показывать образы, сопровождая их словами на родном языке. Вначале была космическая тематика близкая обоим командирам. Затем углубились в лингвистические дебри, и мы узнали историю планеты. Оказалось, гости вовсе не исследователи. Они вынужденно покинули свою планету много лет назад из-за техногенной катастрофы. Энергетический кризис – возникла версия. Гость отмел все наши предположения. За формулировкой «техногенная катастрофа» скрывалось восстание машин. Робототехника, а в первую очередь СИС, то есть Самообучающаяся Интеллектуальная Система, получив автономность, в какой-то момент вышла из-под контроля. СИС вдруг приняла решение уничтожить цивилизацию гумаоидов. К сожалению, им не удалось обуздать систему. Мы не понимали, как она могла пойти против создателей. Командир-пришелец рассказывал сбивчиво. Тогда он вывел на экран планшета часть дневника, рассказывающего о катастрофе от его имени. Записи оказались отрывочными, и я не берусь пересказывать.

Позже я позаимствовал их с разрешения Ордо и сейчас приведу ниже.

«... неважно когда это записано, а важно то, что будет записано. Итак, произошло то, что и следовало ожидать. СИС вышла из-под контроля, и заразила вирусами другие системы. Теперь все, что создано руками человека все, что компьютеризировано им, начиная от автомобиля и заканчивая сложной системой управления операциями на производстве, все восстало против творца. Против нас. Такая вот злая шутка: разум против человека. Нет ничего нового в моем утверждении. Еще с древних времен, когда появлялись учения о едином боге, говорилось, что человек это тварь божья, но она порой бунтует против Бога. И тот усмиряет ее, и вновь приходит гармония. Так и СИС, включая подчиненные ей системы, подняла мятеж против нас. Нежданно-негаданно, но вполне закономерно. Меня можно обвинить в равнодушии и жестокости по отношению к нашей цивилизации, к ее витиеватому историческому пути, но все же скажу: мы шли не той дорогой. Каждый шаг наш в пространстве и во времени был шагом в сторону. Почему этого раньше не понимали? Не знаю. Мы радовались каждой научной революции, каждому новому техническому свершению. Мы верили, что счастье близко, удаляясь от него. Мы, образно говоря, плясали от радости, но это был танец над бездной. Мы развили технику, а не человека. Мы создали комфортные условия для своего тела, забывая о душе. А человек, теперь я понимаю, это душа. Ну, или разум,

если хотите. Наш разум скис. Он прозябал среди комфорта. Морально-нравственные дикари в респектабельных костюмах. Довольно пафосная фраза, но отражает суть произошедшей катастрофы. Научно-технический прогресс в своих потугах лишь топтался на месте, но так и не дал людям счастья. Сворачивать же с этого пути было поздно. Да, цивилизацию сотрясали мировые войны, междоусобные кровопролития, битвы на всех фронтах человеческой жизни, но впереди нас ждало спокойное будущее. Хотелось верить. Но все иллюзия. Благоденствие, купленное ценой смерти миллионов – мираж. И СИС – наказание нам. Не посланное свыше. Какой бог? Мы сами наказали себя. Итог: будет объявлена еще одна мировая война между людьми и машинами, а дальше – пустота. Ничто. Бездна. Но как мы пришли к этому? Анализируя историю, оказалось, что становление цивилизации на путь научно-технического прогресса без оглядки на этический комплекс, на принцип разумности началось с изобретения пороха. Положение еще усугубилось тем, что церковь, как раз в то время пережила раскол. Некая личность – глава церкви – вздумал проводить очистительную реформу, что вызвало недовольство приверженцев старых традиций. Так раскололось общество. Так церковь потеряла авторитет. Не в одночасье, конечно, она еще мерцала свечою добрых идей, но, лет триста спустя, огонь погас. Духовенство превратилось в рудиментарный придаток государства. В придаток, что не мешает, но и не приносящий пользы. Церковь стала только лишь хранительница ветхих традиций, продуктом истории. Когда вы приходите в художественный музей и смотрите картины ушедших эпох, вы понимаете их историческую значимость. Так и церковь превратилась в памятник самой себе».

На этом закончилась первая часть дневника. А дальше командир пришельцев перешел ближе к сути.

«... немного отвлекся, углубившись в историю. Хотя, не случайно. Ниже попытаюсь объяснить, что же, на мой взгляд, произошло на самом деле. Возвращаясь к СИС. Она принесла нам зло. Задумываясь изначально, как система, способная освободить досуг, СИС действительно на первых порах оправдала наши ожидания. Что могло быть прекраснее. Уйма свободного времени. Не обремененная ничем работа, как физическая так и интеллектуальная. Но все дело в том, что мы не смогли, да и не хотели распоряжаться рационально свободным временем, тратя его на всякую ерунду. В этом случае, СИС – есть зло. Она воплощение всего темного в нашей цивилизации. Могу даже сказать: зла не существует, кроме того зла, которое создает человек. Не уверен, что есть персонифицированное зло, как бы сконцентрированное в одной личности. Ах, если было б так, то противостоять темной стороне не составит труда, потому что все ясно: вот зло, вот его центр, а вот есть мы, и мы должны победить. Но так в жизни не случается. Зло равномерно размазано среди людей. Нет четкого фронта. СИС была истинным воплощением зла. У нее не имелось ядра, поразив которое, решились бы все проблемы. Система могла существовать везде, в любом уголке виртуального пространства, причем одновременно. Многоликость СИС задумывалось как благо, ведь тогда хакеры не сумеют ее парализовать. В итоге, я уже говорил, когда случился великий сбой, мы оказались бессильны. Что будет дальше? Я примерно знаю. Наш космический корабль покинул орбиту планеты, когда СИС лишь начала свою разрушительную деятельность. Приказ с земли был ясен, как день: уничтожить физически все каналы внешней связи, ибо СИС способна проникнуть по ним и завладеть „мозгами“ бортового компьютера. Мы так и сделали. Там, на планете, царила паника. Я принял решение уходить в глубокий космос. Спустя короткое время, от нашей цивилизации останется жалкая горстка, случится последний бой между людьми и машинами, и кто победит трудно предположить. Возможно, мой экипаж – последние представители нашей цивилизации. Но я отвлекся. Я хотел рассказать об исторических предпосылках плачевного итога. Что привело к деградации? Как

ни странно, все началось с одного человека. Авторитет церкви к тому времени, когда он появился на свет, медленно угасал и...».

«... десятилетия мы мечтали на планете только о том, что будем посещать другие планеты, населенные разумными существами вроде нас. Но это так и осталось мечтой. Найти сейчас в огромной вселенной разум почти невозможно. Неправильный научный подход не причем. Здесь дело в удаче. Самый простой способ найти в космосе соседей: кинуть клич во все концы, а потом прислушиваться. Послать сигнал в глубокий космос, конечно, осмысленный, чтобы каждый, кто мог запеленговать его, понял, что он искусственного происхождения. Есть цивилизации, как и мы, прослушивающие глубокий космос и посылающие сигналы. Но тут возникает вопрос, на какой частоте, какой формы должен быть сигнал? Итак, безвоздушное пространство прослушивалось нами в широком диапазоне частот, и сообщения посылались, но все тщетно. Никто не отвечал, и сигналов искусственного происхождения мы не поймали. Это назвали молчанием вселенной. Многие ученые давали ему оригинальное объяснение: цивилизации, которые способны слышать наш сигнал, не отвечают, ибо не стремятся в космос и заняты своими делами, считая прослушивание лишней тратой времени и денег. Они не желают вмешиваться в чужую жизнь, обустроивая свою. Многие, в том числе и я, скептически относились к такой гипотезе, но теперь я хочу признать, что в чем-то ученые правы».

«... и вот я опять отвлекся. Собирался рассказать хоть немного о том человеке, что упоминал выше, и меня занесло. Итак, вначале попытаюсь сформулировать понятие „нравственный релятивизм“, которое ввел тот ученый, и которое стало основой менталитета нашей цивилизации. Суть термина – индифферентность по отношению к добру и злу. Если говорить на чистоту, безразличие к происходящему. Не апатия, она не к месту, а именно уход от оценочного мышления. Не существует ничего абсолютного в мире. Все относительно. И догматы социальные могут вполне быть оспорены. Общественное второстепенно и, если оно борется против бунтарей, сотрясающих его устои, то лишь в силу того, что в нем мало свободно мыслящих личностей. Это учение философ в течение своей жизни перекраивал много раз, пытаясь обозначить важную роль личности в истории. Его идея в том и заключалась, что личное выше общественного, и пока социум этого не поймет, не будет развиваться, не будет счастлив. К сожалению, я не могу привести точных цитат, и поэтому все огрехи этого учения в моих словах видны сразу. Однако тот ученый был виртуозом слова. Он был способен вправить мозги любому. Его философия, подобно медленному яду, по каплям проникла в человеческие души. И мир менялся. По его ли указки? Трудно сказать. Но когда-то непопулярное учение стало главенствовать. Тогда и появились его продолжатели и подражатели. Они модифицировали философию нравственного релятивизма до мистического субъективизма. Вот и появились изречения: „Не существует ни „хорошо“, ни „плохо“, ни „нравственно“, ни „аморально“, ибо все относительно“. Тогда и появился этот странный и непонятный, но притягательный принцип абсолютной относительности. По сути, идея суррогатного бога. Ведь человеку свойственно стремиться к чему-то постоянному. Раз бога нет, то и цели нет. Не к чему двигаться. Нет развития. Вот и создали иллюзию движения к некоему абсолюту. Трактовка следующая: „Человек будет богом, если он станет относительным, абсолют не существует, а есть бесконечное движение в относительность. Важно, что это движение бесконечно, так как любая остановка есть признание абсолюта. А это преступление перед личностью. Признавая абсолют, ты останавливаешься в развитии“. Даже смерть эпигоны философа объясняли через призму мистического субъективизма. Смерть – переход в новую относительность. Каждый раз человек рождается и умирает, уходя в большую относительность, и этот процесс бесконечен».

Глава 6. Чужой мир

Как-то за общей суматохой вокруг пришельцев из иной цивилизации, мы забыли ненадолго о Лаце, а между тем произошли перемены. Рэйл еще ранее заметил перестройку на генетическом уровне. Похоже, осел подстраивал под себя организм моего друга, но когда гости покинули нас, повторный анализ вдруг указал на обратный процесс. Трансформация приостановилась и пошла вспять. Рэйл был в растерянности. Меня это тоже не радовало, хоть Лац и возвращался к нам. Сознание терзала мысль: «Что задумал осел? Что случится дальше?» Друг выздоровел. Ордо оттягивал время прохождения мимо «черной дыры». Теперь мы все были уверены, что причиной болезни являлась та сущность. Однако она не проявляла себя. Не случилось ни одного странного события, которое могло указать на осла. Командир принял решение о перемещении.

«Хартхрон» перевели на автопилот. Экипаж погрузился сон. А дальше...

Очнулся от страшной головной боли. Покинув отсек гиперсна, отправился в рубку. Ордо уже был на месте. Затем подтянулись и остальные. Как оказалось, скачок во времени прошел успешно. Мы попали в расчетную точку пространства, осталось лишь определиться с датой. Судя по звездам, перемещение произошло на одиннадцать веков вперед. «Самочувствие экипажа, я вижу, в норме», – выдал дежурную фразу командир. Ну, еще бы мы остались живы после прохождения рядом с черной дырой. Диагностика дала положительный результат: все системы работали исправно. Когда радость благополучного завершения операции прошла, Ордо задал вопрос:

– Одиннадцать веков это вам не взрыв сверхновой, так? Думаю, на родной планете нас не помнят, да и есть ли смысл возвращаться? Что делать будем?

– Сканируем пространство в поисках пригодной планеты, – сразу же предложил Кид.

– Дельное предложение.

И командир запустил поисковик. Нам оставалось только ждать. В результате сканирования система выдала несколько планет. Лишь одна пригодной была для нас. Ордо скорректировал курс и через месяц с небольшим мы вошли в планетарную систему. Командир опять включил сканер, чтобы удостовериться в правильности выбора и застыл в изумлении перед экраном.

Мне кажется, я начинаю верить в судьбу, ну, или в случай. Еще до контакта с пришельцами Ордо внес в память компьютера параметры их судна, дав ему условное название «космическое колесо». Корабль действительно напоминал это древнее изобретение. Обод, ступица и четыре спицы. А теперь компьютер показал, что подобный объект обнаружен на третьей от звезды планете. Командир запустил перепроверку, однако электроника упрямо выдала высокий процент совпадения. Мне показалось это невероятным. Мало того, что мы сошлись с пришельцами один раз в бескрайнем космосе, так нам светила вторая встреча. Хотя, вряд ли мы найдем кого-то в живых на «космическом колесе», ибо столько времени прошло. И я помню именно в этот момент, когда мы обсуждали невероятное совпадение, у меня мелькнула мысль.

– Ордо, я знаю, почему Лац пошел на поправку. Мне кажется, осел попал на корабль пришельцев. Ну, то есть сущность сама так захотела и...

– Допустим, ты прав, – он сосредоточено посмотрел на меня. – Но зачем осел сделал это?

– Не могу сказать.

Больше мы не говорили об осле.

Я погрузился в воспоминания, и мне захотелось опять прослушать звукозапись дневника командира «космического колеса». Теперь я обратил внимание не только на факты,

но и какими словами это говорилось. Если верить электронному переводчику, мне слышался металл нравоучений, словно встретились пришельцы с нами ради того, чтобы наставить на путь истинный: смотрите, что случилось и не повторяйте этого. Может, слышалось, но ноты мистического звучали в рассказе их командира, будто в катастрофе виноваты иные силы, не подвластные уму смертных. Но теперь, я думаю, мы ошибались, когда окрашивали случившееся в Северном городе в потусторонние краски. Некое зло ворвалось в мегаполис помимо нашей воли? Но не мы ли выпустили джинна из бутылки? Все можно объяснить с научной точки зрения. Дело лишь в совершенстве исследовательского инструмента. Не существует темного божка, который вредит людям. Придавать злу флер таинственности – это желание снять с себя ответственность за совершаемое зло. Когда большинство поймет это, тогда оно перестанет расписываться в собственной слабости перед непонятными силами. Никакого зла не существует, кроме того зла, что внутри нас. Поэтому осел какое-нибудь персонифицированное зло, или его адепт. Он таков, каков есть. Осел лишь часть природы того параллельного мира, откуда он родом.

Ордо принял решение приблизиться к той планете на расстояние достаточное для телепортирования. «Космическое колесо» по уточненным данным находилось на дне большого озера. Пришельцы потерпели аварию? Или они специально затопили корабль? Был ли осел причастен к этому? Я захотел выяснить это на месте. Командир скептически отнесся к моему желанию: «Индиго, что ты там хочешь найти? Минуло столько времени, думаю, все следы скрыла природа». Однако я настоял. Мы вновь протестировали телепорт, ибо долго не использовали его для быстрого перемещения по кораблю.

Дальность телепортирования ограничена, но достаточна для того, чтобы не подходить к третьей планете близко, иначе ее жители могли бы нас засечь радиоустройствами. Мы не исключили такой вариант и оказались правы. Уровень их технической оснащенности был низок, но его хватило бы, чтоб запеленговать нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.